

**Юлия
Дагмар**

**ДВА
СЕРДЦА
ТИГРИЦЫ**

Юлия Дагмар

Два сердца тигрицы

«Автор»

2026

Дагмар Ю.

Два сердца тигрицы / Ю. Дагмар — «Автор», 2026

Двенадцать игроков, двенадцать «мёртвых»: упыри и русалки, Жнецы и драконы. Карманный мир Сахалина представляет смертельную игру. Сон Су Джин хочет вернуть погибшего брата. Баюн – древний кот-оборотень – хочет расследовать старое убийство. Но гейм-мастер знает о них слишком много. Задания строятся на их худших воспоминаниях. Лабиринты зеркал показывают правду. Горящие музеи оживают кошмарами. А в голове Су Джин просыпается Тень – та, что пытается убивать её руками. Единственный выход из игры – смерть. Но кто должен погибнуть: она или её Тень?

© Дагмар Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	65
-----------------------------------	----

Юлия Дагмар

Два сердца тигрицы

Дисклеймер

Всё происходит в мире, очень похожем на наш. Совпадают географические названия и исторические события. Все места – те же. Но это не наш мир и все совпадения имён и фамилий современных персонажей совершенно случайны. В нашем мире нет упырей, имуги и не поет русалка.

Глава 1

Игра

Хёк Тэ

1800-е годы

Записки Хёк Тэ, который от своего рода отрёкся

Хан До Ён вызывала сильнейшее недоумение, почти детский восторг, с нашей первой встречи. Драгоценная госпожа нашла способ выйти на меня, не побоялась вступить в сговор с наёмным убийцей.

Я пишу эти строки в весьма интересной роли и не могу забыть её лицо. Даже не в красоте дело. Она умело прятала синяки и ссадины, полученные от руки мужа, но в её взгляде – ни капли страха.

Пусть зовётся Пичужкой – в своём глупом бесстрашии незнакомка напоминала мелкую птичку, заключившую союз с котом.

Как же она была прекрасна, когда решила вступить за меня – просто до мурашек.

Мне было откровенно скучно до встречи с госпожой Хан, в то время как она не предавалась праздности.

В покоях её мужа, младшего брата короля, пахло пролитым на ткани кислым алкоголем и полынью благовоний. Яркие цвета казались приглушенными в полумраке. Я помню, как разглядывал принца, мужа моей До Ён. У него было красивое лицо, а я тяготился сходством с братом и врагом. Я разглядывал точеные, высокие скулы и пряди, выбившиеся из пучка.

Я хотел себе это лицо и его жизнь. Уж я бы её не выбросил так небрежно.

Я убил принца по просьбе его жены и помешал заговору, несмотря на нелюбовь к политическим играм. Я пишу эти строки, сидя у пруда и в водной глади отражается лицо принца. Моя обворожительная жена, моя Пичужка, рядом со мной.

Спустя год после встречи с обворожительной госпожой Хан До Ён

Её дочь оказалась краше и в чем-то драгоценнее матери. Не её. Наша. Моя. Наша принцесса Ли Ми Ён.

Мы-мы-мы...

Я выводил простое слово снова и снова – столько трепета оно рождало внутри, столько невиданной доселе радости и возбуждения.

Крошка несла в себе столько же моей крови, сколько крови самой До Ён. Потрясающее чувство – ощущать родство с маленькой, хрупкой сущностью и видеть новую цель.

Защита, а не только убийство.

Их защита.

Дитя дракона и человека. Моё дитя. И она, моя Пичужка – отважная, жестокая, прекрасная. Моя суровая камелия, моя До Ён.

Никогда прежде я не чувствовал себя счастливее.

Злодеям не положен хороший конец, да, судьба? Прошли четыре века с того события, и только теперь я смог дополнить дневник. Собрался с мыслями.

Но я ещё даже близко не пришёл в себя.

Вместо сердца в груди разливается ненависть. Сам виноват, разумеется. Я вёл себя, как тот, чье лицо носил. Втёрся в доверие к брату своей личины, великому королю. Показал исправление – настоящий принц был тем ещё подонком и пьяницей. Я почти считал себя тем, кого убил, за что и поплатились невинные. Занимался чем? Организация экзаменов для чиновников, инспекция действий губернаторов, всякая разная чепуха.

И был занят, когда они сгорели заживо.

Я нашёл для дочери жениха и устроил, чтобы их познакомили. Наблюдал, как дети общаются, при учителях и слугах.

Я позволил моей жене вести дружбу с мерзавкой с белыми волосами. Хан До Ён не удивилась, когда подруга пришла к ней с визитом вместе со служанкой. Что в этом такого?

Даже королевские конюшни пострадали.

«В случившемся нет злого умысла, мы все скорбим о вашей утрате», – сказали мне.

Чушь.

Я сделаю всё, чтобы убийцы моей семьи ощутили их боль.

Наши дни, площадь Кванхвамун

Хёк Тэ перевёл взгляд с лепечущего оправдания мужчины в дорогом бежевом пиджаке на юнца, который сжимал пистолет. Пистолет полицейского, заряженный боевыми патронами – нонсенс. Хёк Тэ ни разу с таким не сталкивался. Тем более, первый выстрел – всегда всего лишь холостой. Тогда почему этот слизняк в форме трясется, словно подозреваемый – его самый обожаемый на свете родственник? Хёк Тэ закатил глаза.

– Меня даже не было на той площади! – высокомерно заявил мужчина, брезгливо глядя на полицейского и пятясь. Хёк Тэ поморщился. Менялись эпохи, разрушались государства, а горделивое выражение лица этого человека Хёк Тэ вряд ли бы смог забыть. Давным-давно *он* правил юной страной в течение больше, чем полувека. Сейчас *его* обвиняют в преступлении. *Он* тогда не казался Хёк Тэ достаточно ценным. И выглядел лишь медной оправой для истинного бриллианта – своей супруги Арён. Но времена закаляют души, и из угля может родиться нечто интересное.

Не было на площади, конечно, не было. А вот каждая камера в округе, каждый видеорегистратор каждой проезжающей машины засняли его именно там. Хёк Тэ было удобно сливаться с толпой. Он позволил себе смешок. Чужое отчаяние на вкус отдавало мятой и дымом.

Кто-то снимал мужчину в бежевом пиджаке на камеру смартфона. Кто-то швырнул в него горсть земли из клумбы, бросил камень, второй. Люди, целая толпа. И все смотрели на *него*, как на крысу, которую травит целая свора псов.

Внутренности наблюдателя скрутило от нахлынувших воспоминаний. На мгновение Хёк Тэ замер и послал мужчине ободряющий взгляд.

– Почему вы не пытались скрыться? Кто помогал вам в совершении преступления? – молоденькая журналистка выкрикнула несколько вопросов. Мужчина усмехнулся.

– Мне незачем скрываться. Я не совершал ничего противозаконного. Меня неверно обвинили. Закон будет на моей стороне, – в нём всё ещё оставалась уверенность и достоинство правителя. – Прошу меня простить, но мне необходимо вернуться в офис. Я прибуду для дачи показаний после пяти вечера.

Хёк Тэ поморщился. Маленький гордец Сон Су Хо в первой жизни носил фамилию Пак и правил страной. А теперь зависит от офиса.

Люди, даже несущие в себе немного крови чудовищ, всегда казались Хёк Тэ жалкими. Но любопытно устроенными. И всё-таки жалкими, строящими свою короткую жизнь словно она стоила бесконечно много. Жалкими не в смысле презрения – он вполне искренне *жалел* их.

Сон Су Хо неожиданно повернулся к нему. Кивнул.

Да, всё шло именно так, как они и спланировали. Идеальная пьеса.

Как там на западе говорили? Мир – театр, люди – актеры?

Хёк Тэ облизнул леденец, пытаясь не забыть детали их пьесы. Господин Сон пошёл мимо полицейского, приветливо кивнул ему. О, это непревзойденное чувство собственного достоинства и уверенность в невиновности – Хёк Тэ даже залюбовался. Вероятно, любой богач был бы уверен, что его деньги могут решить все проблемы. Или его непричастность. Но, увы, ни справедливость, ни жадность судий здесь не помогут.

В момент, когда полицейский собирался выстрелить – он, верно, хотел просто припугнуть, направил пистолет вверх, в воздух – Хёк Тэ легонько толкнул его. Скорее всего, за такую оплошность бедняжку не просто уволят – его посадят в тюрьму. Всё-таки убийство подозреваемого – серьезно. А Хёк Тэ? Хёк Тэ не убийца, он лишь тот, кто стоял рядом. Взгляд Хёк Тэ подправил траекторию пули – ровнехонько в сердце.

Су Хо улыбнулся. Широко и искренне, за мгновение «до». И даже подмигнул.

– Хён¹, – Хёк Тэ показалось, что ветер донёс последнее слово Су Хо. Верно, померещилось. С чего бы оно оказалось таким?

Хёк Тэ подмигнул Су Хо.

Какой ещё старший брат?

Красное и бежевое – не самое лучшее сочетание. А при падении Сон Су Хо явно посадил немало пятен на дорожный костюм. Но благодаря Хёк Тэ ему не придётся беспокоиться о чистке, только о суде загробного мира.

Арён превратила его жизнь в ад.

Хёк Тэ расплатится с каждым её перерождением, с каждой новой девушкой, у которой будет её лицо и душа.

Хёк Тэ направился прочь. Вот-вот здесь начнется шум, а его обеденный перерыв скоро закончится. Разыгрывать из себя человека – непревзойденное развлечение. Хёк Тэ в совершенстве умел держаться поближе к врагам.

– Секретарь Кан, – радостный возглас из динамика смартфона заставил Хёк Тэ поморщиться. С лёгким сожалением он выбросил леденец в ближайшую урну.

– Да, господин Сон? – откликнулся Хёк Тэ.

– Его действительно собираются арестовать. Как ты это сделал? Все видео, доказательства? Великолепная работа, секретарь Кан.

– Иногда чудеса оказываются на стороне тех, кто хорошо платит, – усмехнулся Хёк Тэ.

Или на стороне тех, чьи интересы совпадают с его собственными. Господин Сон, любимый дядюшка нынешнего воплощения Арён, приложил руку и кошелёк к гибели её родителей. Слишком уж соблазняла Сон Хан Гёля шикарная корпорация старшего брата. Как он злился, когда чаша весов склонилась в сторону его племянника Су Хо! Хёк Тэ устроился к Сон Хан Гёлю буквально пару лет назад. Конечно, он знал о том, что авария произошла неслучайно. Он в принципе знал много чего. Хан Гёль не отличался высоким умом, а жонглировать семьёй Сон, чтобы поближе подобраться к ней, казалось ему презабавным.

– Вы потрясающе компетентны, – расщедрился на комплимент Сон Хан Гёль.

– О, это именно так. И поэтому наш милый мальчик Су Хо не просто опорочен, обвинен в массовом убийстве и арестован. Он мёртв. Я, само собой, его не убивал, – почти не соврал Хёк Тэ. Он и пальцем не тронул Су Хо. Верно? Верно.

В мире был только один дракон, который мог противостоять ему на равных, поэтому Хёк Тэ мог не бояться проигрыша. Не поражения, именно проигрыша – большая игра начнётся, как только все фигуры будут расставлены на местах. Хёк Тэ не забудет ни о чём.

¹ Старший брат/близкий друг для парня в Корее

Глава 2

Ликорисы расцветают в сентябре

Сон Су Джин

Мягко шелестят ткани. Так светло, что солнце режет глаза, стройные деревья бросают изумрудные отсветы на воду ручья.

Он смотрел на неё так, как смотрят на своё истинное божество. Любая женщина многое бы отдала за такую власть над другим существом. Она отмечает смазливость черт, мягкость черных волос и дивную улыбку. Он берет её за ладони, касания его рук нежны и осторожны. От него пахнет гибискусом, этот запах окутывает его плотным облаком. Ей кажется, что он способен поглощать чай почти не останавливаясь, он любил цветы и любил жизнь. Он почти сбил с толку многих – даже дочь министра, в чьей жизни они приняли немалое участие, тянулась к нему загадочным образом.

Его прикосновения вызывают у неё острое омерзение.

Сердце стучит ровно и спокойно. Не учащается, когда он втыкает красный цветок ей в волосы. Она и так знает, что красное на белом её густых и жёстких волос смотрится дивно.

Впервые в жизни она целует его. Не в губы, разумеется, нет. Он видел в ней сестру.

Сама, сама касается его спины, проводит пальцами по шелковистым тканям его одежды. Она отмечает привкус пепла и горечь на его губах, темные полукружия под глазами, землистую бледность лица. Необычные качества для бессмертного дракона. Всё-таки ей пришлось долго стараться, чтобы довести его до такого состояния. Надежда вспыхнула в его взгляде вперемежку с дикой нежностью. Он смотрел на неё с любовью. Он был всецело и полностью в её власти. Она пила его силу. Ей не нравилось это – словно пить болотную грязь вперемешку с илом и сухими листьями. Но она должна. Ей хотелось простой вещи – безопасности. А для сего нужно остаться сильнейшей.

Он пошатнулся и с трудом сохранил равновесие. Шаткий и измождённый. Он слишком слаб, слишком отвлечен. И она единственная, кто может взять на свои плечи эту ношу. Она обнимает его крепко, а затем чары сплетают в её руках за его спиной меч. Воткнуть в спину. Провернуть, вырвать крик из его губ.

Ничего сложного.

Опасный Канчхори, предвестник голода и засухи, умрет от рук её.

Кровь брата и врага пахнет одуряюще-сладко. Её много, больше, чем казалось бы, может уместиться в худощавом поджаром теле.

Наконец он будет принадлежать ей всецело.

Цветок падает из её волос, когда в шею втыкается игла шпильки, украшенной драгоценностями и павлиньими перьями. Она поворачивается, смотрит в смутно знакомое лицо. Вот как.

Она не боялась свою смерть. Она – сильная. Её смерть тоже пахла цветами. Слабость убила силу.

Сон Су Джин проснулась. Подушки насквозь промокли. Она лежала на полу, поверх одеяла. Не этот кошмар ей должен сниться, ох, не этот.

Ей должен сниться старший брат.

Не смерть чужого красавчика в ханбоке. Та парочка словно сбежала из сагыка². Она чувствовала себя той, кто его убила, во сне она ею и была. Красавчик походил на актёра, а не на того, кого стоит убить. Но Су Джин всё равно хотелось только плакать и никак не хотелось делать то, что она действительно обязана.

² Исторический корейский сериал

У неё ведь полно дел. Судебные слушания по делу о массовом убийстве, которое ему приписали. Заседание акционеров, где наверняка попытаются сместить её с позиции наследницы. Разговоры с адвокатом и нотариусом. В конце концов, похороны брата.

Репортёры под окном. Она задвинула жалюзи.

Наверняка, абсолютно всем хочется спросить:

– Что вы чувствуете по этому поводу?

– Как вы относитесь к тому, что глава компании и ваш брат, председатель Сон, совершил массовое убийство в торговом комплексе и оказался убит?

– Он всегда был жесток? Ему нравилось оружие?

– Вы станете следующей главой компании?

– Вы верите в проклятье вашей семьи? Считаете, что насильственная смерть обойдет вас стороной?

Су Джин всего двадцать один и она не желает всего этого слышать. Су Джин равнодушно смотрит на карту Таро, припиленную каким-то умником ножом к стене над кроватью. Кто проник прямо в спальню? Кто видел её расклеившейся, плачущей на полу? Ей не хотелось знать.

Если она узнает, вор это навещал её или извращенец, любитель поглазеть на красивое женское тело, станет ли ей хотя бы на капельку легче? Нет. Вот и знать незачем.

В конце концов ничего не пропало. Только прибавилось. Если быть честным, карту протыкал не простой нож – слишком длинный, с полированным клинком. Явно не кухонный и не орудие уличного хулигана. А карта, исполненная всего в четырех цветах, изображала королеву мечей. Черный и золотой – цвета её одежд, белые волосы и серая сталь двух мечей в руках.

Су Джин поднялась на ноги. Она не могла вечно отлеживаться. Ванная комната. Зеркало в тяжёлой витой оправе. На костяшках пальцев Су Джин мозоли – после новостей от секретаря она час кряду била грушу в комнате, и даже специальные перчатки ничуть не помогли. Ещё мозоль у основания большого пальца, натертости на кончике указательного. Слишком долго занималась с розовым крошкой дэу³, удобным и старым, помнящим запах дорогого одеколона с цитрусами.

Доработанный по его заказу и её предпочтениям, компактный, переставший быть боевым.

Помнящий его запах.

Сон Су Хо, старший брат, тот, кто учил её стрелять и водить, правильно ставить удар, танцевать и напиваться так, чтобы на утро почти не болела голова. Тот, кто приносил ей лекарства, обезболивающие и шоколад, когда она болела, сам ходил с ней к врачу, на родительские собрания – его вызывали, очень часто. Су Джин в школе творила всякое, но одно казалось неизменным. Су Хо приходил и вставал на её сторону. Она всегда знала: у неё будет плечо, на котором можно вдосталь выреваться. После автокатастрофы, которая забрала жизни родителей, Су Хо стал для неё центром мира. Его обвиняли в том, что он не совершал. Но Су Хо заставили замолчать навсегда. И теперь говорить будет она.

Она могла угрожать и кричать, но Су Джин понимала: нечто подобное от неё и ждут. За жёсткие, как звериная шерсть, белые волосы Су Хо звал её маленьким тигренком. Зачем тигру полосы? Полосы помогают скрываться в тростнике во время охоты. И она тоже скроет все лишнее. Никакой стрельбы по тому придурку, который забыл, что уже выпустил холостой патрон и теперь бьёт на поражение. «Забыл»?! Даже интересно, почему в полицию иногда набирают таких идиотов.

Задерживать подозреваемого нужно без жертв, даже если все доказательства говорят о его вине. Её не волновало, что стрелка, скорее всего посадят. Брата это не вернёт.

³ корейская марка пистолета

Но всё-таки, это было странно. Су Джин была уверена: Су Хо подставили. Он сам ей об этом сказал. И сейчас стоял позади неё, его рука лежала на её плече, а сам Су Хо казался сотканным из тяжёлой завесы черно-синего дыма.

– Будь осторожна, – попросил её призрак. Его голос – всё ещё его, холодный, острый, напоминающий о кубиках льда в стакане с виски. Голос Су Хо она слышала мириады раз и не могла спутать ни с чем другим.

Су Джин кивнула. Спокойная, сосредоточенная. Поправила края малинового пиджака, отряхнула от частичек пыли черные брюки.

Ей нужно встретиться с осведомителем из полиции. Су Джин спустилась к черному ходу, положила ладонь на ручку двери. Открыв дверь, Су Джин услышала тихий, мелодичный мужской смех. От него по спине поползли мурашки – Су Джин словно его уже однажды слышала.

Она отшатнулась от двери. В комнате распространялся удушливый аромат ликорисов. Цветы возникали как из ниоткуда, оплетали голыми стеблями мебель, ползли по столу, стенам. Су Джин подумала, что у неё галлюцинации от недосыпа или она попросту спятила от горя. Тонкие алые лепестки, похожие на паучьи лапки, шевелились.

Су Джин мотнула головой, отгоняя противное видение и спустилась по лестнице, к красной красотке машине. Обтекаемый кузов с плавными линиями создавал динамичный и спортивный силуэт, хромированная отделка и тонированные окна добавляли загадку в образ. Салон пах апельсинами. Машину она тоже выбирала вместе с Су Хо. Логично, последние одиннадцать лет у неё абсолютно всё было вместе с Су Хо.

Она села на заднее сиденье машины, пропахшей её братом, собираясь встретиться со свидетелем преступления Су Хо. Су Джин почти не боялась – опасность наверняка угрожала ей, но ей есть кого защищать, и поэтому она просто обязана выжить и посадить тех, кто действительно виноват. Взгляд сидящего рядом призрака Су Хо, одновременно теплый и сосредоточенный, заставлял сердце Су Джин пропускать удар. Он молчал, выглядел почти, как живой, тот же галстук, рубашка, преобладание серого цвета, острые скулы и сухая улыбка.

Слишком несправедливо – больше никогда не прикоснуться к нему.

Слишком несправедливо, что его жизнь превратилась в строчку из новостей.

К бежевой внутренней обшивке крыши машины оказался приклеен полоской скотча цветок ликориса с тонкими алыми лепестками. Холодный горько-сладкий аромат цветка вызывал тошноту, поступающую к горлу. Машина ехала медленно, водителя Су Джин знала сто лет. Проверенный работник. Обычный немолодой мужчина, седой, в аккуратном костюме блеклого цвета. Работал ещё у её родителей. Станный сюрприз? Наверное, нужно поблагодарить, только вот выбор цветка, слишком удивляет. Ликорисы ассоциировались с кладбищами или смертью. Слишком много смерти для Су Джин.

– Беги, – неожиданно выдохнул с голубым облачком пара изо рта призрак. Су Джин вздрогнула. Несмотря на теплый сентябрь воздух стал холоднее.

Почему бежать?

Су Джин огляделась и осторожно сжала рукоять пистолета, лежащего в сумочке. Травмат, не заточен на убийство, но Су Джин и от него немного спокойнее.

Су Хо помотал головой и указал рукой вперёд. Водитель, придерживая одной рукой руль, повернулся к ней. А потом у него хлынула изо рта кровь, заливая салон машины. Мелькнуло острие ножа, секунду Су Джин видела силуэт вертлявого парня на соседнем с водительским сиденье. Водитель упал, а машина осталась без управления. Парень растворился дымкой тумана, Су Джин потрясённо протёрла глаза.

Этого всего не может быть.

Абсолютно точно не может быть. Су Джин оперлась рукой на спинку сиденья, перепрыгивая на место водителя и судорожно сжимая руль. Тормоз отказал, а впереди замаячил забор

здания. Су Джин в ужасе вертела руль, но это не приносило никакого результата. Забор приближался.

– Пожалуйста, тигренок, ты должна справиться, – просил призрак.

Су Джин очень хотела справиться.

От капота до препятствия две ладони.

Машина не поддается управлению, не тормозит, не сворачивает. Рядом раздается мелодичный смех. Снова карта Таро – снова дама мечей, упавшая рядом, взявшаяся из ниоткуда. Снова цветы ликориса, падающие ей на плечи, на сиденья, на руль.

Су Джин задышалась, утопала в цветах. Тонкие лепестки щекотали ноздри, щёки и заполняли собой всё пространство. Когда раздался жуткий грохот вперемешку с острой, давящей болью, Су Джин уже не видела ничего вокруг из-за алых ликорисов.

Последним, что Су Джин услышала после того, как грохот затих, был выстрел, отдавшийся новой болью в ушах.

Глава 3

Трём смертям не миновать

Сон Су Джин

Су Джин тонула. Вода заливалась в рот и нос. Жуткий холод сковывал тело. Она всё ещё находилась в автомобиле, ремень безопасности натирал грудь. Только вот забор оказался не забором, а ограждением, мешающим машинам в реку падать.

Су Джин пробила ограждение машиной. Хотелось плакать, и лёгкие жгло всё сильнее.

Плеск ударил по ушам, машина опускалась на речное дно медленно, пробитые окна впускали воду. Сознание ускользало вновь. А потом она увидела его.

Су Джин поняла, насколько она бесконечно одинока, если перед самой вероятной гибелью видит не родственника или друга, а своего психотерапевта.

Закатанные рукава мокрой белой рубашки. Ореол темных волос. Его руки, открывающие дверь. Нож, разрезающий ремень. Касания крепких ладоней. Ускользающее сознание.

Господин Кан спасал её. Она почувствовала хватку на поясе и сопротивление воды, когда они начали подниматься.

Темнота и покой.

Режущая боль от обволакивающего её ледяного воздуха.

Нажатия на грудную клетку, сильные. Сознание угасает вновь. Мужской голос, мелодичный, хорошо знакомый.

Когда Су Джин пришла в себя окончательно, господин Кан сидел рядом с ней, на обочине дороги. Под её головой оказался его пиджак, скомканный наподобие подушки. Он скрестил руки, и положил несколько цветов ликориса в сумочку Су Джин, только чудом не потерянную в воде.

– Госпожа Сон, я уж думал, вы утонуть решили. Ехал, вашу машину узнал. А вы в реку нырнуть удумали, бедняжка. С вами всё в порядке? Нужно в больницу? Голова не кружится?

Су Джин помотала головой. Она совсем недавно тонула, но сейчас сознание стало кристально чистым, а мысли ясными. Холод всё ещё обволакивал, волосы вымокли, капли чертили дорожки по щекам, и очень хотелось сменить одежду. Су Джин поднялась, опираясь на локти и облокотилась спиной на ограду.

Ткань её пиджака потемнела от речной воды, и в районе груди красовалось пулевое отверстие, рваная небольшая дырка в пиджаке, и в блузе. Су Джин коснулась кожи в районе дырочки. Кожа была абсолютно гладкой. Никаких признаков раны.

– А где мой водитель? С ним всё в порядке? Вы его смогли вытащить? – заволновалась Су Джин. По щекам господина Кан точно так же, как и у неё, стекала вода. Он весь вымок, спасая её. Он спас её жизнь. Су Джин поняла, кто именно ей снился в глупом кошмаре. Это лицо, оттенок волос, внимательный взгляд, мягкие жесты. Дважды глупо. Ей снился сон о том, как

она убивает красавчика-психотерапевта. И ещё дурацкая одежда во сне – словно они снимались в старинном фильме.

А потом она вспомнила кровь. Вспомнила, как водитель отпустил руль, как она отталкивала его и пыталась вести сама. Су Джин вспомнила, как ликорисы словно заполнили собой всё пространство внутри машины. Она свихнулась, переутомилась?

Кто мог убить водителя? Что за чертовщина происходит вообще?

– Вы были за рулём, госпожа Сон. Не понимаю, о каком водителе идёт речь, – господин Кан дежурно улыбнулся и протянул ей руку. – Кроме аварии и попытки утонуть больше ничего странного сегодня не происходило?

Господин Кан смотрел на неё так участливо, что стало тошно.

– Больше ничего, – облизнула пересохшие губы Су Джин. А разве мало? Её застрелили – был звук выстрела, осталась дыра на одежде. Но раны нет. Она тонула – она выжила.

Дважды за день Су Джин умерла.

Господин Кан загнул два пальца и нахмурился.

– Только дважды? – он вытащил из кармана брюк смартфон, потряхнул его от воды и зажал кнопку включения. Дисплей оптимистично засветился. Су Джин обхватила себя руками, отстранённо наблюдая за ним. Слишком сложный день. – Как твоё домашнее задание?

Су Джин недоуменно моргнула. Вспоминать их сеансы сейчас? Она помотала головой.

– Госпожа Сон, вы ведь наверняка замёрзли. Вам бы сейчас домой, горячий душ и горячий кофе. Переодеться. Я вызову такси, отмените все встречи. Вам только простыть не хватает. Оставайтесь дома, поешьте сладкого и отдохните, это я вам как тот, кто за ваше душевное равновесие волнуется, советую, – он посмотрел с привычной теплотой, и Су Джин почти захотела обнять его. Её просто необходимо расклеиться рядом с тем, кто посчитает это нормальным. Но она не строила иллюзий насчёт господина Кана – выслушивать и спасать её – его работа. А ещё он просто хороший человек, готовый нырнуть в реку за своей пациенткой.

– Никого и никогда, – неожиданно ответила Су Джин. Её домашним заданием было найти троих человек, которые не состояли бы с ней в родственных связях, но в которых она бы нуждалась. Близкие люди. Друзья? Никто не дружил с агрессивной богачкой вроде Су Джин. Ни в школе, ни после. Любовь? Что за бред – Су Джин никогда ещё и влечения или симпатии не испытывала. Быстро бьющееся сердце, затрудненное дыхание – с такими симптомами к доктору, а не на свидание. – Ни парней, ни друзей. Я вполне безнадежна в близких отношениях.

Её собственный телефон остался в машине, на дне реки. Даже если его вытащат, вряд ли это его спасет. Поэтому вызванное такси она приняла с благодарностью. Встреча с осведомителем откладывалась – Су Джин и так опоздала. Придется звонить с телефона секретаря.

– Вы не безнадежны, просто ещё не отыскали того самого. Или просто не заметили, – он снова приветливо улыбнулся.

Приложение показало, что до приезда такси оставалось около четырех минут.

Когда она увидела, как пальцы того, кто пытался выбраться из реки, обхватывают решетку ограды, в горле застрял крик.

Су Джин вцепилась в плечо господина Кана, забыв о нормах приличий. Он оказался позади неё. Сердце гулко стучало, как сумасшедшее, в бешеном ритме. Такого просто не бывает.

Су Джин полностью уверилась в мысли, что ей подкинули галлюциноген. Секретарь в кофе? Домработница?

Су Джин замерла. Она не могла пошевелиться – иррациональный страх затопил сознание.

– Что за...? Какого...? – ругнулся господин Кан, обычно предельно вежливый и спокойный.

Су Джин была с ним полностью согласна. Потерянный водитель нашелся весьма неожиданным образом, правда, не целиком. У него не было головы. Вообще, совсем. Место среза Су Джин не могла толком рассмотреть – её мутило, а вокруг – вечерние сумерки и свет фонарей.

Вместо того, чтобы бежать, господин Кан вытащил прямо из воздуха длинный нож. Таким должен орудовать мясник. Не психотерапевт. Холодок лезвия нерешительно коснулся её шеи.

Таким, при должной силе убийцы, можно и головы лишить.

Су Джин сжала кулаки, с ужасом глядя в печальные глаза призрака Су Хо. Су Хо поджал губы и попытался схватить господина Кана за плечо, но тот даже не почувствовал. Лезвие увереннее щекотнуло шею. Сон Су Джин почувствовала, как тонкая струйка крови течёт под ворот рубашки. Его рука дрожала, но он смотрел не на неё, а на монстра. Лёгкая царапина не причинила большой боли и не слишком испугала. Напротив, господин Кан казался не менее испуганным, чем она.

– Брат! – воскликнула Су Джин.

– Два – слишком мало, понимаете? Нужен третий, – мягко попросил господин Кан.

Никто в проезжающих машинах не обращал на них никакого внимания.

Безголовый водитель приближался.

Нож со звоном упал на асфальт. Рука господина Кана всё ещё дрожала прямо перед её лицом.

– Я так давно не видел никого подобного, – неожиданно со странным интересом произнес господин Кан. Су Джин ударила его локтем в солнечное сплетение. Господин Кан согнулся и закашлялся. Су Джин побежала. Она не желала, чтобы стоящий столбом господин Кан заставил и её замереть перед лицом безголового. Каждый шаг ударял огнем по ступням.

Су Джин бежала изо всех сил, но прекрасно понимала: монстры из страшилок быстрее перепуганных девиц. Приближающийся дождь туманом окутал дорогу.

Ей нужно заменить психотерапевта и вернуться домой живой.

Удар знакомых морщинистых рук едва не отбросил её под кузов машины. Су Джин отстранённо подумала о синяках, которые останутся на всем теле.

Су Джин закричала так, что горло засадило. Галстук водителя безвольно висел, касался её груди, а руки душили.

Жар обжёг щёки и тело. Словно кто-то использовал огнемёт. Волной огня излишне живой труп водителя отбросило прочь. А её саму огонь нисколько не обжёг. Вернее, не кто-то, а господин Кан. Господин Кан широко расставил ладони, а из них, без всякого устройства, лилось яркое пламя. Тот, кто просто водил её машину, обычный, в сущности, человек, со своей семьёй и друзьями, сгорел дотла, остался черным пеплом на асфальте.

– Интересно, какого квисина⁴ я творю, – с неподдельным удивлением выругался он, пока Су Джин кашляла и жадно хватала ртом воздух. – Откуда эта тварь вообще взялась? Он же не должен был встать.

Когда господин Кан помог ей подняться, Су Джин нервно отступила на шаг. А потом она заметила крупные пузырьки стремительно заживающих ожогов на его ладонях.

– Почему...? – только и спросила Су Джин.

– Ты ведь звала брата. И этот голос. Я не мог видеть твою боль, после того, как ты звала брата этим голосом, – сбивчиво объяснил господин Кан.

– Какого чёрта ты выпускаешь огонь? Какого чёрта он ходил без головы? Какого чёрта всё это происходит?! – заорала Су Джин.

Су Джин злилась. Она была в бешенстве, хотела кричать, сдирать костяшки и слышать оглушительные выстрелы. Вот её форма покоя.

⁴ Квисин – общее название корейских призраков

– Эта история будет неполной, если ты не встретишь его, понимаешь? – вдруг усмехнулся он. – Он нужен тебе. Он защитит тебя.

Су Джин попыталась вырваться, но господин Кан взял её на руки и оказался намного сильнее. Она била его локтями и пятками, но Кан лишь сильнее прижимал её. Су Джин укусила его за руку, ощущая солоноватый привкус крови. Кан одним прыжком перемахнул через ограду, и вода накрыла их с головой.

Темнота выплюнула её на асфальт. Над ней нависала громада замка. Рядом журчала вода фонтана.

Шею жгло, и кожа на ней чесалась. Её третья смерть пахла железом и кровью и имела простую форму. Господин Кан прямо в воде перерезал ей горло.

Су Джин увидела сияющую надпись:

«Игра началась».

Глава 4

Последствия пения статуям

Варвара

Варвара перебирала платья в шкафу съёмной квартиры. Тусклая лампочка, готовая вот-вот перегореть, бросала игривые отблески от пайеток на одном из её нарядов. В нём она ещё недавно выступала в баре. Пела, пока ей подыгрывали на гитаре. И ей неплохо платили, по крайней мере, на аренду хватало. Даже на то, чтобы иметь возможность прихорашиваться, тоже. А потом хозяин бара, человек в годах, попытался пристать к хорошенькой певичке, Варвара отказалась, притом грубо. Кажется, у Антона Дмитриевича остался синяк под глазом. Старые рефлексy, чтоб их!

Варвара из-за подобных ему утонула. Утонула чуть больше, чем два века назад. Они жили на острове, а утонуть там – дело нехитрое.

Однажды у неё будет свой остров. Личный, до последнего листочка и травинки.

Варвара лучше всего умела лишь петь. Нельзя сказать, что ей это нравилось, но навыков она отрицать не могла.

Русалка и утопленница, она должна была бы жить под властью местного водяного. Ах, да, так бы всё и произошло, найди она свой последний приют в водах озера или реки, пруда, на худой конец. Варвара не собиралась умирать, но захлёбываться морской, солёной водой у берега Финского залива оказалось пренеприятно.

До сих пор словно соль на губах хрустит и вкус сладостью залить тянет. Не нужны водяному морские утопленницы, не нужны морскому царю неживые девки. Вот и осталась она не там и не там.

Варвара намотала золотистый волос на палец. Тогда она носила только одну косу, но уже вплела в неё две ленты, как и положено помолвленной. Её предки жили на Васильевском острове ещё в шестнадцатом веке.

Крепкая да ладная семья, возможность быть любимой дочерью, гордость рода, богатство дома и уверенность в будущем – всё прервал разговор с пьяным женихом, который выказать своё неудовольствие захотел у самого берега. Компаньонка не смогла помешать.

Варвара помнила винные лавки, да лавки с товаром попрестижней, вроде кофе или пряностей. Такие товары называли «колониальными», и Варвара могла позволить себе задирать нос. Ни одного брата – всё внимание доставалось ей. Но выбирать жениха отец ей, естественно, не позволил. Сейчас она и фамилию своего убийцы едва припомнить могла. Чиркин? Елисеев?

Когда рождается нежить её первым порывом всегда становится месть, хочет она убивать или нет.

Её красивый жених стал раздутым от воды, и никто бы уже не восхитился его внешностью. Его утопила русалка, созданная им самим.

Варвара ненавидела убийства. Наверное, именно поэтому она «жила» теперь за несколько тысяч километров от прежнего дома – чтобы забыть. Холмск – короткое название, минимум гласных, словно выстрел, разрезающий воздух и разбивающий стекло её прошлого. Варвара любила прокатывать человеческие слова на языке, но город, где она жила, не был создан для песен. Варвара полюбила маленький остров, бурно поросший зеленью так, что хотела заполнить его себе. Но не петь.

Большинство её платьев казались Варваре слишком яркими, чересчур привлекающими внимание. Это явно не то, что нужно для похода в музей. Гладкий матовый блеск балеток, стукнувших подошвами об пол, на котором остались ржавые, неоттираемые пятна, привлек её внимание. Варвара выронила их из шкафа случайно. Удовлетворённо выдохнуть и провести по белым губам яркой помадой. Всё просто.

Ей и так помогли с переездом – ООНМиН – организация охраны нечисти, монстров и нежити – возникла не слишком давно, но с её появлением нежити вроде неё стало попроще.

Варвара не знакомилась с её хозяевами. Вроде хтонические монстры нескольких тысяч лет от роду откуда-то с севера решили помогать сверхъестественным отбросам. ООНМиН помогали с финансами, созданием документов и адаптацией в обществе, можно было пожаловаться на охотников или нападение. Но никто не собирался жить за монстров вроде неё.

Улица встретила её промозглым ветром и зеленью деревьев. Варвара сухо улыбнулась. Она никогда не мёрзла. Пристальный взгляд жёг спину. К нему Варвара привыкла и даже сумела научиться игнорировать. Но легко ли игнорировать того, кто ожидает, что ты сорвешься и совершишь пару-тройку жестоких кровавых убийств? Варвара облизнула губы, пристально посмотрела прямо в глубокие черные глаза своего персонального stalkera. За окном магазина позади него сновали люди, а этот псина равнодушно ухмылялся, будто бы и не относился к их миру. Он казался ей вполне красивым, несмотря на восточную внешность, поначалу непривычную для Варвары. На Сахалине никого не удивишь корейским мальчиком неопределённого возраста. Даже таким – с хищным взглядом, острыми чертами лица, крупными руками в огненно-рыжих и синих линиях татуировок, опоясывающих предплечья. Пак Джи У всегда одевался так, будто на дворе стояло лето, белая футболка не скрывала явную силу. Он бы выглядел почти брутально, если бы не волосы, связанные растянутой резинкой и опускающиеся до лопаток. Варвара помахала Пак Джи У, стоящему спиной к стене магазина, кончиками пальцев.

– Я слежу за тобой, – бросил он и кивнул ей.

Варвара не знала, чего больше в этой фразе.

«Я буду следить, чтобы ты никому не причинила вреда, мерзкий злой дух».

Или:

«Я буду следить, чтобы никто не причинил вреда тебе, хрупкая русская русалочка».

Возможно, второе. Потому что синяки от её рук у бывшего начальника казались полиции мелочью по сравнению со сломанной рукой. Сломанной не ею. Пак Джи У тогда впервые сказал ей «я слежу за тобой» этим странным тоном. Варвара помнила и полумрак подсобики, и липкие потные прикосновения мужика, и темную высоченную фигуру Пак Джи У.

Варвара не ценила насилие, а в первую секунду, когда ей в лицо ударил запах сигарет и дешёвого пойла, почти забыла, что дышать-то ей и не нужно вовсе.

Варвара словно вновь находилась в помещении среди холодильных камер, среди полок, слушала мерное жужжание ламп, пыталась сбросить с талии чужие руки, лезущие глубже под юбку.

И была Варвара не так, как обычно. Слабо и жалко. У русалок сила сверхъестественная. А что сделала она? Синяк? Слишком мало. Начальник баюкал руку, которую сломал Пак Джи У, и отползал, обзывая её защитника «узкоглазым хахалем неразборчивой певички».

Почему Мрачный Жнец⁵ в командировке решил заступиться за неупокоенную душу вроде неё? Варвара знала: она красива, большинство мужчин роняли слюнки при виде мягких линий её фигуры, длинных золотистых волос. Но Пак Джи У словно смотрел не на неё, а сквозь. Так почему?

Люди сновали по улицам туда-сюда, через пешеходные переходы в обе стороны, загорались светофоры. Игнорировать одного потустороннего пса казалось очень простым занятием.

Варвара сверилась со временем на часах смартфона. Своего будущего начальника она заметила, когда ещё вполне комфортно работала на прежнем месте. Молодой, кажущийся прилежным и придирчивым. Варвара знала, что он мальчик из богатой семьи, золотая ложка и всё такое прочее. Идеальная жизнь, идеальная учеба.

Варвара перерыла интернет, чтобы узнать про него побольше, вдоволь порыскала на его личных страничках в соцсетях. Фотографии показывали улыбающееся лицо, красный диплом, снимки на фоне природы, восковое выражение – в идеальном мальчике двадцати четырех лет не было ни одной эмоции, он выглядел безжизненным.

Это импонировало Варваре и словно немного роднило их. Но родители Николая решили, что ему пора бы вырасти, да сделать что-то самому – так посчитала Варвара. Она читала: ему не дали и начального капитала, только крошечные инвестиции.

Николай Владимирович Осинский рассказывал о своем пути вполне детально: о займе в банке на бизнес-проект, выборе места для аренды помещения, поиске сотрудников, подсчете рисков. Пока Варвара пела у прежнего хозяина, уволившего её с волчьим билетом, Осинский приходил к ним, садился за дальним столиком и строчил в маленьком блокноте. Варвара, уходя из зала, видела, что он ищет плюсы и минусы в каждом кафе района, пробежалась глазами по строчкам с названиями и детальным анализом.

Николай задавал вопросы посетителям, изрядно напоминая ей журналиста. Что им нравится? Что нет? Как должен падать свет, чтобы это не мешало? Не слишком ли маленькое меню? Не слишком ли большое меню? Нужно ли делать доставку? Еда на вынос? Николай сравнивал и цены, Варвара видела его даже в совсем маленькой забегаловке, куда зашла выпить пару стаканчиков кофе с горя.

Дотошный. Ещё одна деталь его облика. В списке значились кафе, бары и рестораны из Южно-Сахалинска и даже крошечного Томари! Варвара решила стать такой же дотошной – её не хотели принимать никуда, а время следующей платы за квартиру приближалось, да и счёт за воду наверняка впечатляющий. Варвара физически нуждалась в воде и ванную могла принимать по несколько часов.

О встрече она договаривалась долго, ещё дольше убеждала, что живое пение повысит прибыль. Варвара уже выступала в баре, искать другой способ заработка ей не слишком-то хотелось. Хлопотно. Обворожить одного золотого мальчика, так кстати подвернувшегося, куда проще.

Наконец, он назначил встречу. В музее, что весьма удивило Варвару.

Осинский встретил её у цветочных клумб, режущих глаза сочетанием красного, зелёного и фиолетового цветов. Здание музея высилось буквально в паре шагов.

Длинноватые для молодого мужчины вроде него черные волосы оказались аккуратно зачесаны назад, светлые глаза смотрели цепко, просвечивали её словно рентген. Обычный костюм, ничем не примечательная одежда. Он не улыбался, а руки сцепил в замок за спиной.

– Здравствуй, Варвара. Свидетельница по делу об избиении, верно? Так закончилась ваша последняя работа, – в его голосе не было осуждения, интереса или сочувствия. Осинский анализировал её. Варвара решила, что называть его так всё-таки проще. Не по имени – они не друзья, у Варвары вообще друзей нет. – Интересно, сколько ваш прежний начальник заплатил,

⁵ Мрачный Жнец (чосын саджа) – сущность, проводящая души в загробный мир

чтобы ваши свидетельства не принимались, и сколько заплатил ваш защитник, чтобы ограничиться штрафом. Это всё, конечно, абсолютно не моё дело, просто показалось любопытным, почему вы согласны на работу, которая не предполагает срочной оплаты, а может нести риски.

– Вы правы. Я согласна на рабочий контракт с вами, потому что у меня немного вариантов, – не смутилась Варвара. – Мне плевать, сколько они все заплатили. Мне важно, что сейчас у меня дурная слава.

– Мне нравится ваша честность, – кивнул Осинский. Варвара поджала губы. Он даже кивал медленно, скупое, экономил движения, что ли? – Также честно вынужден предупредить. Я ещё даже не открыл своё дело. Когда оно принесёт прибыль? Когда я смогу вам заплатить? У меня нет точных цифр. А питаться нужно ежедневно, и это деньги. И ещё множество других вещей, которые жизненно необходимы.

– У меня достаточно времени, Николай Осинский, – процедила Варвара. Он снова чопорно кивнул. – Кстати, почему музей?

– Я выбрал историко-культурный центр, потому что хотел узнать, сможете ли вы сменить образ, – Осинский пробежался по ней взглядом. Нежно-голубое платье с закрытым вырезом, подол, прикрывающий колени и аккуратные балетки – Варвара выглядела не так, как обычно. Прилежной, мирной девчонкой. – Музыка нравится всем, это факт. Но для дневного заведения необходимы другие внешние данные и другой репертуар. Я дам вам работу, если сможете спеть внутри и не привлечь слишком много негативного внимания.

Осинский оплатил билеты, и они вошли внутрь. Варвара остановилась в зале морской фауны, рядом с экспонатами, изображающими больших черепах.

Да что он о себе возомнил? Этот золотой мальчик падёт к её ногам, целуя туфли, стоит щёлкнуть пальцами. Обаянию русалки противиться невозможно.

Ставить ей условия? О, она ему споёт. И не будь она мертва с тысяча семьсот девяносто второго, он будет сам уговаривать её согласится. Варвара мазнула равнодушным взглядом по разновозрастной группе. Туристы, студенты, женщины в возрасте. Они были чужаками для неё. Варвара громко похлопала в ладоши, привлекла внимание окружающих.

– Я хочу исполнить стихи в честь нашего холодного моря. Прошу прощения за внезапность, – отрезала Варвара. Женщины загалдели, сотрудница музея хотела заговорить, но Варвара поторопилась под внимательным взглядом Осинского. – Смотрю на море жадными очами,

К земле прикованный, на берегу...

Стою над пропастью – над небесами, –

И улететь к лазури не могу, – с её голосом, морозно-хрустальным, будто выкованным из осколков прозрачного лунного света, простые стихи звучали как хорошо поставленная песня. Она закончила петь, глядя прямо в глаза Осинскому с вызовом.

Посетители музея выглядели удивлёнными. Женщина в синей шляпке хлопала первой, нахмурилась и прошептала:

– Не знала, что молодежь знает стихи Гиппиус.

Двое молодых парней старательно строили ей глазки, улыбались и подмигивали. Варваре нравилось чужое внимание. Но Осинский всё ещё смотрел на неё не так, как должен смотреть мужчина на русалку – с восхищением, обожанием и благоговением. Он просто оценивал её, и явно довольно высоко. Но Варваре этого мало.

– Прохладнее бы кровь и плавников бы пара, – начала Варвара новую песню, цитируя иные стихи. Теперь она обращалась непосредственно к Осинскому, даже подошла к нему поближе, заглянула ему в глаза, и вновь отошла. О, теперь он смотрел именно на неё, слушал и слышал. Русалке не нужно подыгрывать, не нужна музыка. – И дал бы мне окончить жизнь земную в твоих сетях.

Варвара щедро лила сладость и мёд в голос, добавляла собственной тоски. Результат ей нравился. Солнечные лучи последних теплых дней сентября покрывали золотистым покрыва-

лом всё помещение, отражались в гладких поверхностях панцирей черепах и в пронизательных кошачьих глазах. Стоп, что? Что статуя кота делает в зале морской фауны? Кот казался странным – высокий, выше человека, с детальной проработкой каждой шерстинки и угрожающим взглядом круглых медовых глаз. Никто не обращал на него внимания. Не удивлялся. В углах зала заплясали щупальца жгуче-черных теней, потянулись к людям. Лампы замигали всего на несколько секунд. Её пение заинтересовало людей, а статуя кота – нет.

Варвара видела, как тени поглощают остальные экспонаты, размывают стены и жрут свет. Когда липкое щупальце коснулось её запястья, холодное и противное, Варвара закричала, отступила, резко, едва не врезалась в Осинского. Осинский подхватил её за плечи, весьма осторожно и придержал. Его руки были тёплыми, человеческими, в противовес прикосновениям щупалец тьмы.

Варвара чувствовала, как крик дерет глотку, но не могла остановиться. Казалось, пространство стремительно сужается.

– Вы в порядке? Как вы себя чувствуете? Смотрите на меня, Варвара Ивановна! – закричал Осинский, развернув её лицом к себе. Глядя в его спокойные глаза, Варвара смогла замолчать. А потом статуя кота медленно отряхнулась, оскалила пасть и пошла. Зверь шёл нарочито медленно, его глаза находились на уровне их лиц. Варвара вздрогнула и попыталась вырваться из хватки Осинского. Вырваться, бежать, спрятаться. Он держал крепко.

– Что с девушкой?

– Припадочная какая-то, а впечатление хорошее было.

– Может, выпивает?

Люди вокруг галдели, и всё ещё не видели ничего.

Кот прыгнул, прыгнул прямо сквозь стену, легко опустился на зелень травы перед зданием музея. Варвара впервые после своей смерти ощутила, что ей не хватает воздуха, а мир вокруг темнеет. Двести тридцатидвухлетняя русалка потеряла сознание на руках у ничего не понимающего человека.

Зато Варвара смогла разбудить его.

Глава 5

Пробуждение

Баюн

Баюну снился сон. Баюн просыпался очень редко, и сон стал для него привычным и естественным состоянием.

Хуже было то, что снова снилась *она*.

Её белые волосы, длинные, коконом укрывающие стройное тело.

Её черные раскосые глаза. Чуть печальные, внимательные и цепкие.

Её губы. Те, на которых он запечатлел столько поцелуев. Маленькие, слегка пухлые, раскрасневшиеся.

Бледно-розовый ханбок⁶, нежные ткани. Тонкие запястья.

Переломанные ребра, кровь на подбородке и ни капли испуга на красивом лице.

Эпохи сменялись, а сон оставался прежним. Сок Хе Джин морщила хорошенький окровавленный ротик в гримасе и протягивала к нему руки.

– Почему ты бросил меня? Ты обещал защитить. Я умерла из-за тебя, – повторяла она снова, и снова, и снова. – Ты меня убил.

Баюн не мог полностью проснуться. Не мог отряхнуться от заслуженных кошмаров. Не мог бежать или кричать. Мог только ненавидеть.

Первые лет пятнадцать после её смер... нет, нет, не так. После её исчезновения из его жизни Баюн с катушек съехал. Обращался в кота чаще и чаще, сигал на головы путников с

⁶ Традиционная корейская одежда

елей, рвал когтями каждого, кто когда-либо обижал её, даже мимолётным жестом или случайным прикосновением, песнями кружил головы и морочил. А потом его обратили в каменную статую. Дарили друг другу, как амулет. Он мог видеть всё, да и слышать тоже. Но не мог шевелиться или говорить.

Когда он осел в музее, ему было плевать на все миры.

А потом появилась мёртвая девчонка, которая голосом расколола оковы его тюрьмы. Баюн впервые за века ощутил свою мощь снова. Это было больно. Казалось, что плавится само нутро, а магия в крови бесится.

Но Баюн готов поклониться русалке. За свою даренную ненароком свободу. Магия крошилась, а он смотрел на чужачку, русалку, как на подарок судьбы. Золотистые локоны обрамляли хрупкое личико, а глаза глядели дерзко. Баюну всегда нравилась чужая дерзость – своей хватало в избытке, а смотреть приятно на сильных. Но вскоре мёртвая девчонка уже не выглядела сильной.

Она тоже боялась его теней. Жадно поглощающих свет мрачных теней, снующих по углам.

Она их видела. Баюн не слишком жаждал пугать её. Он прошел мимо неё медленно и неуклюже ступая по полу музея, заглянул в глаза и кивнул. Лапы ныли, слишком затекли за долгие годы. С благодарностью, но она только кричала. Его поведение русалки несколько не задевало. Может, даже немного льстило. Баюн – тот, кого бояться положено.

Но Варвара – кажется, так её назвал человеческий мешок с костями – заинтересовала его куда сильнее других. На её одежде сохранился слабый душок смерти, речной воды и пряномытный аромат ликорисов. Так пахли чосын саджа, жнецы смерти. Иностранные, надо сказать, жнецы.

Мускусно-древесный запах чая напоминал о вполне конкретной жнице, которая очень любила неспешно цедить рубиновый напиток из гибискуса. Он хорошо помнил её: изящные черты, кривящийся в надменной ухмылке рот, густые пряди жёстких чёрных волос, темные одежды. Пак Ра Он, пациентка Сок Хе Джин, могла что-то знать о гибели своей лекарки.

Он не убивал, не убивал, никогда бы не смог убить Сок Хе Джин. Но все считали именно так, даже Ра Он, которая переродилась жнецом после собственной гибели. Теперь у него появился шанс на новую встречу.

Баюн схоронился у здания музея. Спокойно вытянулся на траве. Чары больше не тяготили его, и он ждал темноты, а пока впитывал новую информацию.

Люди входили внутрь и выходили прочь не так часто, как бы он хотел. Женщины вели за руки детей, лицеисты проходили по асфальтовой дорожке мимо. Он запоминал, изучал одежду, манеру поведения, запоминал слова. Обрывков разговоров казалось нещадно мало.

Когда вокруг сплелись тени сумерек, Баюн потянулся и перегородил дорогу первым попавшимся людям. Парням было не больше двадцати, аккуратные и чистенькие, но дурно пахнущие лёгким душком спирта. Праздник какой или для души дурью маялись? Баюн жадно осмотрел добротную одежду, зевнул, клацнул железными клыками. Машины ездили все реже. Стояла безветренная погода, но из-за новолуния света разливалось немного. Поэтому парни не сразу заметили крупного, с человека ростом, кота, коим Баюн и являлся. Густая бурая шерсть на загривке вздыбилась.

– Вам, наверное, очень хочется подарить мне свою одежду, – вкрадчиво произнес Баюн.

– Рехнулся?! – закричал на него парень помладше, в синей кепке, надетой задом наперед. Потом удивлённо протер глаза. Вероятно, мысль о том, что с ними болтает кот почти двух метров ростом, казалась им весьма необычной.

– Вам не говорили, что кричать на кошек невежливо, соколики мои яхонтовые? – промурлыкал Баюн. – На тебе куртка достаточно длинная, штаны снимай.

Не может же он разгуливать голым по городу, в конце концов!

Парень помотал головой, ошарашенно проследил за собственными движениями, за тем, как его руки стаскивают джинсы. Куртка доставала ему почти до колен, но удивление на лице парня меньше не становилось.

– О, да ты бесплатный стриптиз устраиваешь! – хохотнул второй, взъерошивая пятерней ржавые волосы. Кот помотал головой и уставился второму в глаза.

– Да ты не радуйся, рубашечку снимай. И шарф мне твой весьма нравится, – обдал Баюн парня жарким дыханием.

– Больше пить не буду. Никогда, – ошарашенно выдохнул оппонент Баюна. Парень втянул воздух носом с громким шмыганьем.

– А вот это правильно, желудок-то больной, – закивал Баюн.

– Что ты такое? – первый парень злобно зыркнул на Баюна. Их недоумение хрустело на языке, как хорошее печенье.

– Я – ваша удача. Благословение даже, – промурлыкал кот. Парни отпрянули на шаг, но сбежать не пытались и не могли.

– Белочка что ли? – спросил один из них. Баюн помотал головой и уточнил:

– А ножницы с собой есть? Или зеркалаце?

К его счастью, парни по дороге заходили на почту, брали с собой ножницы для вскрытия посылок, и послушно отдали ему. Станные выражения немного удивляли его. Мир сильно изменился за последние тысячи лет.

Баюн скользнул за ближайшее дерево, но не разрешил неожиданным помощникам уйти. Человеческий облик казался непривычным, ноги немного тряслись, пока он одевался, длинные спутанные волосы мешали.

Баюн осторожно взял ножницы, срезая лишние пряди вдоль лица. Неровно, неуклюже, но теперь он хотя бы немного меньше напоминал человека, сбежавшего с необитаемого острова. Русые волосы он зачесал назад пальцами, накинул рубашку и повязал мягкий полосатый шарф на шею. Асфальт натирал подошвы ног, но не мог же он отбирать у них ещё и обувь. Баюн глубоко выдохнул. Он не разбойник. Баюн подошёл к ним, морщась и поджимая пальцы ног. Баюн положил ладонь на переносицу парню со ржавыми волосами.

– Что делаешь? – насторожился он, зябко прикрывая голый торс руками. Он всё ещё шмыгал носом. Баюн напевал, насвистывал простенькую мелодию, а вдохи парня становились чище и звучали уже более здорово. Вторую ладонь он положил на живот, мелодией изгоняя болезни и оттуда.

– Отдаю плату, парни, – сказал Баюн.

– Мой хронический насморк! – удивился он.

Баюн любил такие моменты – искреннее дружелюбное удивление на довольных лицах. Радости у парня на роже оказалось немерено. Может, бессмертием одарить? Хотя лучше не стоит, бессмертие – сплошная морока. Чёрные щупальца болезни первого, парня в кепке, укоренились крепко, замедлили удары сердца. Баюн понимал – не помочь – умрет. А теперь выживет. Песня вытягивала боль, забирала неудачу, выправляла выдохи и вдохи.

– Проверьтесь у врача, обрадуетесь, – весело заявил Баюн. – Как вам вообще в голову пить пришло, мальчики? Совсем же себя добьете. Не жалко?

Парень помял кепку в пальцах, ненадолго сняв её. А потом вытащил из кармана смартфон, уже вполне по своей воле. Хмель из их голов выветрился из-за песни Баюна.

– Вызову вам такси, ноги же пораните, – неожиданно выпалил парень. Баюн широко улыбнулся и мотнул головой.

– Я не знаю, куда мне нужно. Не стоит ничего вызывать, – он развернулся и побрел прочь.

Улицу освещали тусклые фонари. Но коту, тем более оборотню, не нужно много света. Поэтому стеклянную бутылку с отколотым горлом в мужской руке, метящую ему в горло, Баюн

увидел просто замечательно. Стекло задорно бликовало в свете уличного фонаря. Синяя кепка была надвинута на лицо, Баюн скользнул взглядом по непримечательной фигуре.

Парнишка, с которого он снял штаны, собирался его убить. Жадный что ли, настолько?

– Теряю хватку, – выдохнул Баюн, танцующим движением уворачиваясь от ещё одного удара. Горло бутылки врезалось в стену над плечом Баюна с такой силой, что стеклянная крошка полетела вниз.

– Ничего личного, мне заплатили за твою драную кошачью шкуру ещё в девятнадцатом веке, – прорычал парень. Кожа сильнее натянулась, облепив череп, выдвинулись клыки, а бутылку сжимали белые пальцы с длинными, загнутыми когтями. От парня несло гнилью. Так вот, что он чуял! Он принял разложение, свойственное упырям, за болезнь.

Ещё лечить пытался.

– А второй? – спросил Баюн. Чтобы уйти от следующего удара, пришлось живо поднырнуть под упырю руку и оказаться за его спиной.

– Обычный мальчишка. Случайно встретились, сегодня. Я и тебе зла не желаю, котик. Ты такой наивный. Но ты столько стоишь! Даже за то, что я караулил твой сон, платили просто потрясно, – разговор не заставлял упыря сбиться с дыхания. Как это не прискорбно было, ему вовсе дышать не нужно.

Он смотрел на него с единственной легко читаемой эмоцией, словно жадно и радостно прикидывал, на что потратит вырученные деньги. Баюн скривился. Когда он жил, во втором веке, деньги не играли такой большой роли. Они даже не были настолько распространены. А вот жажда наживы да просто читаемые мысли были всегда.

Баюн устало закатил глаза.

– Чужак с материка, да? Он приказал? – Баюн не слишком хотел драться. А ещё ему всегда хотелось узнать, кто стоял за его заключением в камне. Захоти он, от сосунка и капель выпитой крови не останется. Драться с упыренком?

Баюн не дерётся, Баюну это и не нужно. Он расслабился, хрустнул костяшками пальцев. Тени послушно взметнулись за его плечами, и Баюн склонил голову набок.

– Мне тебя правда жаль, – вдруг выпалил упырёнок. Его глаза тускло светились.

Баюн прислонился спиной к фонарному столбу, поднял руки. Упырь не пытался напасть всерьёз. Впрочем, они оба не нападали.

Баюну информация нужна, но почему жадный до денег мальчишка не собирается его убивать? Он мялся, переступал с ноги на ноги и кусал пухловатые губы. Рука с жалким оружием легонько подрагивала. Баюн вытянулся, обнажая горло.

– Он действительно с материка, но думаешь, я знаю, кто? Сам понимаешь, как такие дела делаются. Он заплатил, чтобы заплатили тому, кто нашел меня и заплатил мне. Из рук в руки, из рук в руки.

– Чего тянешь? – сладко пропел Баюн. Упырь моргнул и выронил бутылку. Осколки стекла разметались в крошево, рикошетом отскочили в сторону Баюна. Баюн осторожно поджал пальцы ног. Упырь часто закивал, как болванчик и, наконец, снова ударил. Острые загнутые когти оставили три глубокие дыры на металле фонарного столба. Баюн собрался из теней в полуметре левее. Затем оказался позади своего незадачливого убийцы и стащил свой шарф, накинул его упырю на шею, как удавку. Баюн затянул сильнее и, держа за него, впечатал упыря мордой в асфальт. Темная, пахнущая гнилью жидкость, которая должна была быть кровью, густо полилась из носа упыренка. Нежители дышать, само собой разумеется, не нужно. Поэтому он никак его таким образом не убьёт. Но за свою долгую жизнь Баюн не раз видел, как прелестно играет с подобными тварями подсознание, упрямо не верящее в то, что они уже мертвы. Ныне люди много умных слов для этого придумали: сигналы, поступающие в мозг, сходные ситуации, рефлекс организма, бла-бла-бла. Но эффект прост: упырь потерял сознание от удущья плотной тканью. Тени подтянулись к упырю, укрыли его плотным слоем.

Жалкий упыренок все равно ничего не знал. Посредники-шмосредники, чтоб его. Баюну пора задать свой главный вопрос: чего мальчишка боится сильнее всего на свете? Баюн уселся так, чтобы коленями вдавливать плечи незадачливого убийцы в асфальт. Тени всколыхнулись нефтяным покрывалом. Теперь никакой прохожий их не увидит и не услышит. Шарф он стянул и повесил себе на шею. Бахрома украшения свешивалась и щекотала тощее упырячье горло. Тот закашлялся, громко, явно инстинктивно и резко выгнулся, опираясь ладонями на асфальт. Баюн позволил и спокойно подождал.

Баюн не понимал, зачем вообще упыренку астрономическая сумма денег?

Мелкий, тощий, в дешёвых вроде бы шмотках. Представить его жадным до роскоши? Чужь собачья. Даже его слова о девятнадцатом веке, в котором он родился, звучали откровенным блефом. Враньём. Кровь у старых упырей пахнет иначе.

– Будешь говорить? – спокойно уточнил Баюн. Упырь всхлипнул, громко, по-детски, быстро заморгал. Даже его слезы отвратительно воняли гнилью. Баюн смотрел на него с абсолютным недоумением. Ну и что теперь ему с ним делать? Успокаивать? Да как его вообще угораздило?

– Я должен был справиться, – шмыгнул носом упыренок.

– Не мог, – мотнул головой Баюн. – И сколько я стою?

– Десять миллионов долларов, – ответил упыренок. Баюн озадаченно нахмурился.

– Это много? – на всякий случай уточнил он. Вроде цифра звучала внушительно, но...

Но это говорило только о непроходимой глупости заказчика. Нанять его убить упыренка, плачущего от страха? Пообещать сверхъестественную сумму? Даже если верить, что вокруг его статуи веками бегали соглядатаи, слишком уж удачно упыренок приполз. Что-то было не так.

– Шутишь?! – внезапно перестал трястись упыренок. – Этих денег хватило бы и на операции для младшей сестры, и на новый дом, и на закрытие долгов, наследство отца-игрока, да ещё бы осталось! Я бы принес пользу хотя бы после смерти. Много ли это?!

Баюн снова закатил глаза. Потому что через десять минут они уже сидели на кухне упыренка в его маленькой квартирке. Заходя на порог, Баюн едва не споткнулся о ручку швабры. Упыренок щёлкнул выключателем, свет залил комнату, где от стены до стены было не больше пяти кошачьих хвостов. На узком столике лежала цветастая клеёнка, у раковины валялись осколки тарелки с узором из бабочек. На холодильнике – штук двести магнитиков разной формы, и именная кружка, висящая на крючке. Отколотый краешек кружки смотрелся гармонично. Здесь есть хотя бы одна целая вещь? Даже интересно.

А потом кто-то вцепился в ногу Баюна, потешно рыча и скаля крошечные зубки. Баюн ошалело заморгал, пытаясь найти цензурные выражения.

– Пончик! Пончик, фу! – закричал упыренок, и собака визгливо залаяла. Мелкая, со стоячими ушами и кремовой шерстью.

Баюн осторожно спросил.

– Ты в своем вообще уме? Собака? – он аккуратно поднял Пончика, рассматривая скалящуюся мордочку. Хватка упыренка на этот раз оказалась куда крепче, собачку вырвали у из рук, а от удара Баюн даже упал. Захотелось похлопать успехам. Мальчик учится на ошибках!

– Это чихуахуа, – зачем-то пояснил упыренок. – Он меня не бросил.

– Поздравляю. Кстати, а звать тебя как? – на диван Баюн покосился с реальной опаской. У этого мальчишки наверняка и там грязь. И цвет такой неопределенный.

– Арсений, – буркнул упыренок. Имя подходило ему примерно настолько же, насколько вязаный шарф подходил киту. Арсений вытащил из шкафа брюки. Такой невозмутимый – аж тошно. Баюн обобрал упыренка, завалился к нему домой, а теперь что? Арсений сунулся в шкаф едва ли не с головой, настолько мелкий, что полностью скрылся внутри, а затем вытащил выдавшие в этой жизни очень многое грязные, серые кроссовки и швырнул их к босым

ногам Баюна. Баюн принялся. Кажется, в кроссовках всё-таки никого не стошнило. И никто не справил нужду. Всё-таки, Баюн не мог создать вещи из воздуха – его магия на менталку действует, на разум. Или на тело, исцеляет. Но ходить босиком не слишком приятно. Баюн подтащил обувь к себе за шнурки. Торопиться пока некуда.

– У тебя тут вода есть? Помыть хочу, – буркнул Баюн. Арсений выпучил глаза и посмотрел на него, как на сумасшедшего. Что ж, они оба вполне явно сумасшедшие. Баюн пришёл в гости к упыренку, которому заказали его убить и просит воды, чтобы помыть подаренную несостоявшимся убийцей обувь.

– Это точно то, что ты хочешь у меня спросить? – серьезная скептичность ему не очень шла. А волосы без кепки оказались взъерошенными. И лицо снова выглядело человеческим, и когти исчезли.

– Верно, я передумал. Когда ты умер? Как связался с заказчиком? Я у тебя одна цель? – ничуть смутился не слишком удобному положению Баюн. Пол, стул, диван – какая разница? Одно другого не чище. Он скрестил ноги.

– Не единственная. Есть девушка, но за неё платят меньше. Вас один и тот же заказал, – неожиданно начал приносить пользу Арсений.

На столе обнаружилась фотография девушки, распечатанная на цветном принтере. Недостаточно четкая, но вполне узнаваемая. Золотистые волосы, взгляд, бросающий вызов и глубокие голубые глаза. Платье с пайетками, соблазнительные изгибы тела.

Не узнать Варвару оказалось невозможно.

– Почему ты не пришел за ней? Она-то добыча попроще, – с подозрением спросил Баюн. Арсений зарылся пальцами в короткую шерсть Пончика. Вдохнул. Закусил губу. Помотал головой.

– Потому что в больницу её повез мой старший брат Николай Осинский. Я слышал разговор, – выпалил Арсений. Баюн скептически взгляделся в точеное бледное личико в обрамлении коротких темных волос. Болезненно-худой, упыренок утопал в синей толстовке. Возможно, сходство и было, но Баюн не слишком разбирался в человеческих лицах.

– Как тесен этот маленький мирок. О, просто непередаваемо тесен. Ощущение, что мы толчемся в забитом коридорчике, – протянул Баюн.

Арсений Осинский – вместе с фамилией его имя звучало ещё более по-дурацки. Будто имя, сложенное из неподходящих друг другу по размеру кусочков пазла изо льда. Арсений неожиданно криво улыбнулся, и горькая усмешка на почти детском с виду лице – ему вряд ли исполнилось двадцать – смотрелась странно. Но кто бы говорил про возраст, да не Баюн, застрявшей в непонятной, неопределенной юности с момента создания.

– Я умер около двух месяцев назад, – вдруг решился на откровенность Арсений. Баюн не знал, насколько ему нужна откровенность упыренка, но не думал, что сможет его просто так заткнуть теперь. – Я помню и удар по голове, и кровь, и боль, и холод морозилки в морге, помню, как сбежал. Правда, сейчас у меня даже документов нет. Ничего нет, наверное. Осинские – идеальная семья? Видимость. Я даже не успел понять, что произошло. Женщина меня убила, или мужчина. Отца тоже убили, доход – псу под хвост. У семьи долги, всё рушилось, как картонный домик. Моя младшая сестра больна очень давно, и ей так нехотать стало хуже. Я даже не знаю, почему до сих пор существую. Дома полный хаос. Почему они не узнали меня? Я вообще ничего не понимал. Мама никогда не работала, слишком много времени отнимает уход за Риммой, нашей младшей. Они закрылись от прессы, Коля строчит в соцсетях жизнеутверждающие посты. Пытается что-то сделать. Я узнавал. Свой бизнес, почти с нуля, даже не знаю, откуда деньги. Тысяча подработок – гордец Коля, работающий водителем такси и официантом – невероятно. Жутко. Я так хотел подкинуть им денег. Помочь. Глупо, да? Очень. Собирался подбросить наличку в почтовый ящик.

Черные слезы снова сюрреалистично смочили фарфоровые щёки упыренка. Баюн подошёл к нему, неловким жестом вытирая их шарфом. Арсений вздрогнул и сглотнул, дёрнулся кадык. Неудобно получилось. Минут двадцать назад он Арсения этим шарфом душил, а теперь слезы вытирает.

– Родственники или знакомые нежаков не могут их вспомнить. Тебя похоронили, и мироздание заботится о том, чтобы в его логике не было прорех. Существуют те, кто могут сломать это правило, но за тебя никто из них не похлопотал.

– Да некому за меня хлопотать, – кисло согласился Арсений. Баюн прищурился.

– Если у тебя нет документов, как ты нашел жилье? – ему действительно было интересно. Когда простоял больше тысячи лет статуей и недавно очнулся, хочется сунуть коготь в каждую дырочку и немного поковыряться. Мысли собрать было весьма нелегко.

– Бабулька квартиру сдавала на частной основе. Плевать ей на документы, лишь бы платил вовремя, – отвёл взгляд Арсений.

– А деньги откуда, нищий ты мой? – новый вопрос Баюна заставил Арсения с поистине поразительным интересом начать изучать осколки тарелки.

– Сумки у людей в автобусе подрезал. Брал отовсюду, из кошельков, понемногу, а потом подкидывал водителю. Проще простого, когда ты значишь чуть больше, чем сгусток воздуха. Да и пару плат за пригляд за статуей мне передали. Должен был звякнуть, когда ты очнешься, если сам не справлюсь и ты сбежишь, – Баюн подумал, что если бы Арсений мог, то наверняка бы покраснел. Воровство и использование новых способностей претило ему.

– Карманник из тебя явно лучше киллера. И как мне с тобой быть, несчастный Арсений? Харакири⁷ не сделаю, даже не смотри так жалостливо. Хотя мысль интересная, нужно признать, – протянул Баюн. Взгляд Арсения оказался непередаваемым, даже непечатным. Баюн мягко рассмеялся. Пончик почувствовал настроение хозяина и снова затявкали.

– Ты меня пугаешь, – потряс головой Арсений.

– Это чудесно. Я и должен пугать. Если бы ты со мной справился, чтобы делал с телом? – деловито уточнил Баюн.

– Должен был позвонить и уйти, – начал понимать ход его мыслей Арсений. – Хочешь встретиться с моим заказчиком? А тебе не кажется это похожим на ловушку?

Баюн вполне мог согласиться с ним. Убийца его слабый, словно специально подобранный. Не мог он ему проиграть. Если именно встречи с ослабшим Баюном они ждут?

– Готов поклясться своим хвостом, что это именно ловушка, – кивнул Баюн. – Мне интереснее, чья? Но сначала нужно побеспокоиться о русалочке. Знаешь, где она живёт?

– Когда мы вообще решили, что я тебе помогаю? – огрызнулся Арсений. Баюн скептически посмотрел на плиту и холодильник. Неплохо бы подкрепиться. Только можно ли найти съедобное в квартирке упыренка?

– Ты должен быть благодарен – я же тебя не убил. Кто тебе вообще сказал о моей доброте? Будешь огрызаться, вспомню, как ты пытался убить меня бутылкой из-под дешёвого пойла, – абсолютно спокойно протянул Баюн, распахивая дверь холодильника. На плите стоял бурый от грязи чайник. Пятнистая собачка радостно смотрела с упаковок корма в холодильнике. Кровь тоже обнаружилась – свиная и куриная, в простых прозрачных пакетах, прямо на полках. Баюн захлопнул дверцу.

– Я признаю, насколько был неправ, – вздохнул Арсений, с любопытством следя за Баюном. – Бутылка от престижного вина подошла бы для твоего убийства куда как больше.

Арсений поднялся, открыл дверь в соседнюю комнату, где на стене, в полушаге от застеленной пыльно-зеленым покрывалом кровати, висела доска, ярко испещренная алыми нитями.

⁷ Ритуальное самоубийство

– Я структурировал информацию, полученную от заказчиков. Можешь отправляться куда хочешь, – он ткнул пальцем в пару-тройку адресов, фотографию Варвары. В верхнем углу доски, приколотая булавами, оказалась ещё одна фотография.

Сердце Баюна пропустило удар. И снова. А потом ускорилось, забилося, как бешеное. Даже в ушах зашумело, а ладони вспотели.

На фотографии обнаружился его самый страшный кошмар. Изящное личико, пухлые губы, длинные белые волосы. Только теперь на ней не ханбок, а яркое, приталенное платье и туфли на каблуке, она облокотилась на красную машину и смотрит прямо в камеру.

Сок Хе Джин?

Нет, быть не может. Не может же?

Тени вырвались сами, обхватили Арсения, с грохотом впечатали в низкий потолок. Затрещали кости, изо рта Арсения хлынула черная жидкость. Новый удар, теперь об пол и Баюн склонился над ним.

– Только попробуй посмотреть на неё, обидеть, прикоснуться хоть пальцем! Я тебя в кашу перемолю, ничего не оставляю, уничтожу, убью и развею, – он кричал. Истерика? Наверное. Её фотография. Её. Арсений замотал головой.

– Её никто не тронет. Каждый... защитить, – он хрипел, пытался пояснить. Баюну стало стыдно.

– Прости, упыренок, – помотал головой Баюн, беря разум под контроль. – Я излишне вспыльчив. Защитить? В смысле?

– Ты полный псих. Но это Арён. И главный приказал всем: охранять, если её увидим, – Арсений сплюнул черную гадость, которая наполняла вены упырей. Он что, ударом пробил ему лёгкое? Баюн примирительно протянул кружку с налитой в неё кровью – успел вернуться на кухню, пока упыренок пялился в потолок и приходил в себя. Пусть восстанавливается, Баюн сломал ему всего пару рёбер.

Арён с лицом Сок Хе Джин.

Имя, не похожее на настоящее.

Та, кого должны защищать.

Кто она вообще такая? Девушка, укравшая лицо его первой любви? Убитой любви, между прочим.

Пока он разглядывал фотографию снова и снова, на столешницу медленно приземлилась карта. Гадальная или игральная – Баюн ещё не выцепил достаточно знаний из системы мироздания. Черный фон, изящный золотистый узор, складывающийся в изображение скелета в черной шляпе и накидке. В руках скелета – коса. И надпись: смерть.

Вот как. Предупреждение или угроза? Интересные методы у его обожаемого врага. Баюн поднял карту. От разглядывания его отвлёк хрип и жутковатый вой. От карты тянулось облако рубинового пепла и ошейником смыкалось на горле Арсения. Баюн заметил, как тот вздрогнул, сделал шаг к нему, заметил ещё, как рывком выросли когти. Недостаточно осторожный шаг заставил упыренка упасть на колени. Арсений когтями скреб шею, тяжело дышал, хотя упыри и не нуждаются в дыхании. Выл пёс, забравшись под стол.

– По...м... – протянул упыренок, явно не способный выдавить из себя хотя бы звук. Его отчаяние маловато задевало Баюна.

То есть карта прислана хозяином, и он видел, что творит упыренок, пока связь между ними существовала? А зачем Баюну рядом тот, кто волей-неволей всё доложит?

– Прости, – помотал головой Баюн и сел рядом с ним. Кожа Арсения серела, становилась похожей на пергамент. Движения замедлились, крик перешёл в сип. Баюн ждал. Ждал конца.

Вскоре Арсений замер, глаза стеклянно смотрели в потолок, а лицо оказалось перепачкано в черной жиже. Баюн вспомнил их знакомство. Случайная встреча, случайная *связь* – он пытался вылечить упыренка. И кошачья, его, Баюна, песня, всё ещё жила в крови и костях

Арсения. Осталось всего лишь *связать* крепче часть силы, оставшуюся в Арсении, с её изначальной сестрой. И тогда он сможет перехватить повисшую в воздухе цепь.

Баюн перетащил упыренка на кровать и бросил прямо поверх одеяла. Сейчас Арсений представлял собой удручающее зрелище, больше напоминаая хрупкого монстра, со своей искривленной челюстью, серой кожей и торчащими клыками. Баюн разрезал свою ладонь когтем. Пара ярких капель упала на серую кожу и с шипением впилась в тело.

Баюн щёлкнул пальцами.

– Пора просыпаться. Рад снова видеть этот мир? – участливо поинтересовался Баюн, приводя Арсения в сидячее положение. – Ты второй раз умер, третий воскрес. Везучий парень. Теперь ты мой, а я свое больше не теряю.

Собственные слова принесли в душу кота горькое удовольствие. Теперь Баюн сам хозяин. Арсений ошалело заморгал, медленно становясь больше похожим на человека.

Баюн всего лишь перетянул его привязь себе. Справедливая плата – за попытку убийства он не только не убил его – на минуточку, Баюн спас его жизнь, а – только сделал своим рабом.

Глава 6

С той и этой стороны грани

Варвара

Варвара очнулась на заднем сиденье машины. Выглянула в окно, пытаясь понять, где она находится. Пожелала потерять сознание снова.

Машина сделала крутой поворот и едва не врезалась в едущий впереди автомобиль. Потому что ничего толком не было видно – птицы атаковали окна, крысы пытались вгрызаться в колеса, позади неслась свора собак. Николай Осинский вцепился в руль с остервенением.

– Я правда собирался отвезти вас в больницу, – заговорил он, поняв, что Варвара очнулась. – Но сейчас я не слишком понимаю, где нахожусь.

Кровавое пятно на переднем окне от влетевшей в него вороны заставило Варвару коротко вскрикнуть. А потом она поняла, что не слышит машин. Только разнообразные крики животных, смешавшиеся в слитную какофонию звуков, скрип мотора и частое дыхание Осинского.

– Тормози, – скомандовала Варвара. Её голос на мгновение сбился на визг. Осинский послушался так быстро, что она едва не врезалась лбом в спинку переднего сиденья.

Варвара поправила волосы и рывком приземлилась ближе к Николаю, обвила ладонями его шею. Осинский непонимающе замотал головой. Варвара, конечно, была значительно сильнее хрупкого человека.

Ей нужна подпитка – совсем немного. Клювы барабанили по стеклу, лай и вой переплетались с рычанием. Шипение ползущих по окнам змей отвлекало. Трещины. Их машина ненадежна.

Варвара накрыла его губы своими, втягивая дыхание Николая одним глотком. Николай, потрясаясь теплым, растерянный и перепуганный, наверное, не сопротивлялся. Напротив, только замер. Давно Варвара не позволяла себе такого. Она почти не использовала истинной силы своей мертвяцкой.

А сейчас выбор какой? Кто-то явно перестарался с использованием чар, раз зверьё так себя ведёт.

Варвара отпрянула от него, лишь заметив бледность на его лице и выпустила силу наружу. Русалки многое умеют – бурю вызвать, град или дожди, вытащить реку из берегов, зверьком оборотиться. Потоки воздуха отбросили животных.

Варвара выскочила из заглохшей машины. Осмотрелась. Парк, чёртов ухоженный горный парк. Трава изумрудно зеленела, в воздухе пахло горным разнотравьем. А в метре от оставившейся машины начиналась дорога, похожая на мост, сложенный из светлых деревянных досочек. Рядом с дорогой возвышался указатель со стрелкой влево, такой же деревянный.

Заросли кустарников и бурьяна от тропы отделяли линии невысокого заборчика. И ворота, такие же деревянные, возвышались над тропой.

Слух уловил жутковатый шуршащий перестук. Словно некто шёл на тонких, твёрдых когтях прямо посреди кустарника. Варвара настороженно вгляделась в зелень.

Какого чёрта ей нужно защищать Осинского? Он ей кто? Друг, брат? Варваре захотелось сломать ему руку за его джентльменство, проявившееся так не к месту. Не окажись она с ним в машине, Осинский отдувался бы в одиночку.

Что за Тьмутаракань?

Варвара зашипела, когда Осинский выбрался из машины вслед за ней. Бледный, он тяжело дышал, а на его лице выступила испарина. Зато зверья в округе не оказалось – никто не пытался впиться в них маленькими зубками.

Да, Варвара будучи русалкой, оставалась девкой, боящейся крыс. Жалко и глупо, она же справилась?

– Что происходит? – неуверенно спросил Осинский. – Т-ты...

Варвара услышала, как шуршание становится громче, за долю мгновения до того, как заросли распахнулись, выпуская желто-белый силуэт.

Варвара призвала ветер, который должен был отогнать монстра. Один рывок – и безопасность.

– Силы русалки не действуют, – прошептал незнакомый голос, словно несомый ветром на них со всех сторон. От неё до Осинского – шесть шагов.

Варвара выругалась. Силы *действительно* не работали.

Бросить его и бежать отсюда, наверное, единственный выход.

Кто-то, видимо, совсем слетел с катушек.

Варвара обязательно помянет Осинского, даже родственникам сообщит, что он погиб из-за того, что не умеет водить машину.

Силуэт – нет, *скелет*, скелет с торчащими клыками, каждый с ладонь размером, с длинными когтями, тонким хвостом, стегающим его по бледным бокам, опрокинул Осинского в траву одним прыжком. Варвара замаялась, сделала шаг назад. Воздух мгновенно наполнился запахом крови и криком – сдавленным и тихим. Когти у давным-давно мёртвого тигра оказались внушительными.

Интересно, умирать от потери крови так же больно, как тонуть? Варвара машинально примерила на себя чужой ужас. Осинский уже не кричал, а скелет всё ещё прижимал его к траве.

Варвара покачалась, смещая точку опоры с носка на пятку, с пятки на носок.

Пока она раздумывала, скелет подхватил Осинского, потерявшего сознание, за ворот пиджака, и нелепыми прыжками помчался вперёд, по деревянной тропе. По доскам тянулся грязный кровавый след.

Шваль последняя, почему он утаскивает её добычу? Охотничьи инстинкты проснулись неожиданно, подавили человеческую часть сознания.

В горле Варвары заклокотал рык, и она понеслась вперёд. От запаха полыни слезились глаза, балетки в быстром ритме ударяли о дерево тропы. Варвара бы не смогла остановиться, даже ежели бы возжелала. Зелень вокруг проносилась мимо с ужасающей скоростью, Варвара чихнула, мир не терял четкости. Варвара оттолкнулась от опор моста, через которые перемахнул скелет и рыбкой проскользнула за ними. Её дыхание не сбилось, но они покатались вниз кубарем.

На руках Варвара блестела жемчужная чешуя.

Среди зелени мелькнуло фиолетовое пятно. Тигр метнулся на тропу. Тело Осинского ударилось о заборчик. Варвара отметила его схожесть с сумкой, с пакетом, словно он всего лишь вещь в руках спешащего человека. Один прыжок – её пальцы скользят по костям. Скелет

выпустил Осинского неохотно, как кот, расстающийся с мышью из-за новой забавы. Рядом – мост, серебряный блеск мелкой речушки. Варвара потянулась к воде, отползая от скелета. Она старалась не смотреть на Осинского: от вида чего-то розоватого её мучило.

Варвара выставила руку вперёд, сила опять не отзывалась. Человеческие шаги вызвали в ней глухую ярость. Из полумрака листвы показалась лишь рука – остальное скрывали тени, льнувшие к силуэту подобно гончим псам. Глаза защипало до слёз, в носу стало влажно.

– Что у тебя в руке? – удивлённо и зло выкрикнула Варвара. Машинально она сжала запястье Осинского одной рукой. Тонкое биение пульса под кожей по непонятной причине успокоило её.

– Полюнь, – откликнулся голос. Горький, удушающий запах окружил её. Варвара вздохнула. С момента их встречи с Осинским у неё возникла пренеприятнейшая привычка частенько терять сознание.

Когда она придет в себя, ублюдку не поздоровится.

Тело чесалось, как от сильной аллергии. Но Варвару не связали. Она лежала на нагретом солнцем камне.

От Осинского крови натекло куда больше, чем от неё – его тело обнаружилось близко. Рядом с ними, на том же камне, сидел, скрестив ноги, парень, натянувший на голову капюшон. Из-под капюшона выглядывали фиолетовые пряди, и он продолжал рисовать на камне. Варвара улыбнулась ему, приветливо, хищно.

Она знала, что он не видит, и позволила себе отвлечься. До чего же здесь было дивно красиво – море изумрудной зелени, словно они стояли на вершине скалы Предков из Короля Льва, а солнце заливало мир.

Затем одновременно произошли три вещи. Небо, потрясающе голубое сентябрьское небо, расцветила надпись.

«Игра началась».

Парень в толстовке с капюшоном разрезал собственное запястье, щедро поливая отвратительные раны Осинского, и мелкие капли полились на разрубленный живот.

– Я не планировал ничью смерть. Я не хочу, чтобы он умер, – сказал парень. Варвара узнала голос: он говорил, что она бессильна, и она и стала такой.

Осинский внезапно вскочил, куда быстрее, чем мог бы человек, который только что пытался умереть, и также внезапно впился отросшими клыками в глотку незнакомцу. Осинский резво сдвинул ворот толстовки, скрипнула застёжка-молния.

Варвара рассмеялась. Бедняга Осинский действительно умер – вот только на тот свет отправляться не спешил.

– Что ещё за игра?! – закричала Варвара на небо. Чавканье слева немного отвлекало.

«Игра жизни и смерти».

Надпись выглядела так, будто её составляли вспыхнувшие фейерверки.

– Каковы правила игры?!

«Правила возможно узнать, когда в игре зарегистрированы все участники. В данный момент в игре зарегистрированы трое».

– Сколько всего должно быть участников?! – разозлилась Варвара.

Она не планировала становиться игроком.

Определённо, кто-то над ними издевается.

Определённо, однажды им не поздоровится.

«Правила возможно узнать, когда в игре зарегистрированы все участники. В данный момент в игре зарегистрированы трое игроков».

Система осталась глуха к уточнению.

– Что я могу узнать до окончательной регистрации? Как выйти из игры?

«Во-первых, время в игре движется по иному закону. Сутки в игре приравниваются минус девяти дням в реальности. Во-вторых, выйти из игры с момента регистрации является невозможным».

Не успела Варвара послать создателя странной игры куда подальше, на небе всплыли три одинаковых надписи, словно уведомления на экране смартфона.

«Произошла регистрация участника».

Теперь их шестеро.

Глава 7

Ты совсем не волшебник, Николай.

Николай Осинский

Момент пробуждения резанул по сознанию Николая. Привкус крови его не удивил и не испугал. Не после того, как на него накинута скелет каспийского тигра. Естественно, он весь в крови, ему холодно и больно. Куда более странно, что вообще жив. И зубы чесались, и...

Само собой, как и должно быть в странном сюрреалистическом сне. Но, ощупав живот, Николай более не ощущал под пальцами кровь, осклизлые внутренности. Не ощущал раны в принципе.

Яркое солнце резало глаза, взгляд выцепил фигуру Варвары и незнакомого парня со странными фиолетовыми волосами. В фиолетовом выделялись синие пряди, и парень лежал ничком, лицом на камне. Николай осторожно перевернул его.

Незнакомец выглядел пугающе юным, пугающе похожим на Арсения и пугающе раненым. Шею словно рвали клыками. И кто? Тот же скелет? Николай удивлённо заморгал, когда рана на шее парня начала стягиваться, являя его взгляду идеально ровную кожу. Без шрама даже. Но на шее ярко выделялись синие пятна рыбьей чешуи короткие, мягкие с виду, многочисленные шипы.

– Добро пожаловать в смерть, Осинский, – немного пренебрежительно окликнула его Варвара Леднева. Она так и не повернулась к нему лицом.

Николай проверил пульс у незнакомца, ощупал его запястье. Всё в норме.

– Будьте, пожалуйста, конкретнее. Кто именно умер? – вполне вежливо уточнил Николай. Варвара развернулась к нему. На светлом платье некрасиво смотрелись зелёные пятна от травы, но в целом она была в порядке.

– Ты. Я, – Варвара рассмеялась каркающим смехом.

Николай поежился. У него нет ни на что это времени. На вечер у него крупный заказ, отвезти человека в соседний город. Ему нужно работать. Иначе кто?

Николай закрыл глаза. Логика. Если это сон, то что происходит на самом деле? Авария, он в больнице, а машине требуется ремонт. Николай болезненно поморщился, представляя суммы, которые бы потребовались, если всё это окажется сном. Нет, уж лучше он попадет в самый жуткий кошмар. Потому что компенсировать расходы на лечение и починку авто, а ещё восстановить репутацию идеально пунктуального работника... Нет, лучше десять скелетов с когтями, лучше и правда умереть и воскреснуть.

Николай осторожно встряхнул незнакомца парня, с недоумением услышал хруст его плеч – от его хватки кости незнакомца затрещали, как древесные прутья. Но травм не возникло, и Николай равнодушно списал звуки на слуховые галлюцинации.

– Если я умер, и ты умерла, то кто мы? – с лёгким любопытством спросил Николай.

Иероглифы, отдаленно напоминающие китайские, на запястье Варвары, собирались в символ. Татуировку. Николай протер глаза. Незнакомец не приходил в себя. Николай подошёл немного ближе, с интересом глядя на чужую руку. С бледной кожи девушки скалила тонкие клыки крысы.

– Я русалка, – насмешливо протянула Варвара Леднева. Она скрестила руки на груди, словно хотела спросить своим видом: поверишь или нет? – Утопленница. А ты упырь.

Николай взвесил её слова. Потом тихонько усмехнулся.

– Это что-то вроде вампира? Кровь пьёт? – соотносить себя с монстром из фильмов казалось странным.

– И мясо ест. Сырое, – в тон ему ответила Варвара. Потом скомандовала. Таким тоном хозяйские дочери чернавкам приказывали, наверное. – Отойди!

Николай прищурился. В Варваре действительно было что-то старое, будто она несла в себе осадок прошлых веков. Ни одна современная девушка такой осанкой похвастаться не может, да и словечки иногда у неё странные чересчур проскальзывали.

С равнодушным удивлением Николай заметил, как Варвара вздернула на ноги незнакомца и дважды ударила его под дых. Действенный способ привести в себя, оказывается. Незнакомый парень отшатнулся от Варвары.

Николай опёрся ладонью на нагретый камень, легко поднялся – боль почему-то вовсе ушла из тела, и соскользнул на землю.

Расстоянию, которое преодолел в прыжке, удивился только после. Он пронёсся между зелёными верхушками деревьев и приземлился ровно на ноги. Кривые корни белёсых деревьев покрывали траву и землю. По земле стелился мох. Скала, на которой всё ещё оставались его случайные спутники, поднималась над землёй на несколько метров. Рядом обнаружился стенд. Николай усмехнулся, подходя ближе. Заглавие стенда гласило просто: структурно-дена... денудационный останец «Лягушка».

Информация, история, легенды, философские размышления. Это всё не показалось Николаю важным. Важным было то, что теперь он знал, где находится и знал, что это не глубь леса или другой мир, а вполне конкретное место, неплохо известное людям.

Николай полез во внутренний карман излишне рваного пиджака. Смартфон обнаружился на месте, только по защитному стеклу пробегали несколько новых трещин.

Варвара спрыгнула к нему, и Николай едва успел отшатнуться, чтобы она не сшибла его с ног. Её золотистые волосы разметались, глаза горели, да и в общем Варвара выглядела очень разозленной. Незнакомца она держала за капюшон толстовки. На запястьях парня поблескивали тонкие жемчужные браслетики с яркими вкраплениями стразов. Он пошатнулся, но устоял, сгорбился и втянул голову в плечи.

– Давай, расскажи ему то же, что и мне, – прикрикнула на него Варвара, отпуская парню лёгкий подзатыльник. Он сгорбился сильнее и потер голову. – Порадуй!

Николай скрестил руки на груди, сунув смартфон обратно. И только теперь он обратил внимание на собственное запястье. На нём красовался силуэт лошади, вставшей на дыбы. Ему сделали татуировку, пока он валялся без сознания на останце? Это что, какое-то реалити-шоу? Развлечение для богатых, которые не гнушаются похищениями?

– Кажется, ты его пугаешь, – примирительно сообщил он Варваре.

– Пугаю? Вот и славно, вот и ладно. Да я уже больше ста лет в таком бешенстве не была! – Варвара вздохнула и заговорила спокойнее. Незнакомец поднял голову, капюшон толстовки упал, обнажая лицо. Николай никогда не видел никого более странного и несуразного на вид. У парня оказались фиолетовые волосы с синими прядями, широкие глаза с алой радужкой и витилиго – часть кожи выглядела мраморно-бледной, а несколько пятен на правой щеке и лбу – гораздо более смуглыми. Угловатый и тонкий, всё же незнакомец был высоким. Пятен чешуи и шипов оказалось ещё больше, чем Николай предполагал. Теперь незнакомец куда меньше походил на Арсения.

А ещё на его запястье – небольшая обезьяна.

Их главное сходство – внешняя незащитность.

Незнакомец криво и грустно улыбнулся. Красные глаза пугающе сверкнули.

– Это я тебя убил. Я горько каюсь – не бажал⁸ я того, – странно проговорил парень. – Меня зовут Станимир. Я могу управлять любым зверем ли, птицей ли иль гадом ползучим. И бедного скелета поднял тоже я.

– Зачем? – нахмурился Николай.

Верил ли он словам Станимира? Ни да, ни нет. Николай вынужден признать: сверхъестественное существует, и с этим ничего не поделать – будь это не так, скелет не бегал бы по земле, а он бы уже стал трупом.

Николай мог бы предположить, что свихнулся или лежит в коме. Но у него нет права ни на то, ни на другое. Ему нужно домой, заниматься действительно важными делами. Поэтому придется поверить в реальность происходящего и отложить в глубину сознания вероятность того, что нужно очнуться.

Да, он упырь. Да, Варвара – русалка. Да, Станимир действительно может управлять животными. Почему бы и нет?

– Мне приказали доставить вас в систему, чувак, – ухмылка искривила тонкие губы парня. – Он меня крышует, но хмырь ещё тот, зело склизкий. Говорю же, выбора не было! Попасть сюда может лишь тот, кто хотя бы раз умер или хотя бы бывал в мире мёртвых.

Николай потерял виски. От беспорядочной речи Станимира гудела голова. А ещё он, Станимир, бесподобно, восхитительно пах. Как еда. Николай голодно сглотнул и помотал головой, отгоняя глупые мысли.

– Что ещё за система? – спросил он, надеясь не увязнуть слишком глубоко в этом бреде.

– Система игры, в которой все мы – заложники, – вздохнула Варвара. Она неожиданно выглядела усталой. – После встречи с тобой моя жизнь сошла с ума! Кот в музее, преследование животных, горы и, наконец, *игра!*

Последнее слово Варвара прямо-таки сплюнула.

– Игра?! – опять не слишком хорошо понял Николай. Станимир вновь опустил голову. Он выглядел виноватым, но что толку с его вины? В ответ на восклицание в тени деревьев замечались внезапно замечались светлячки. Николай протер глаза и поклялся себе больше ничему не удивляться. Потому что светлячки сложились в название «**Игра жизни и смерти**».

Пока Николай пытался прогнать с языка ругательства, светлячки зашевелились и в воздухе засияла новая фраза, намного более длинная. После каждого предложения светлячки перестраивались вновь и вновь, заставляя читать быстрее и стараться запомнить. Татуировка на запястье жгла руку.

«Поздравляю! Регистрация завершена! В игре принимают участие 12 участников, исключая гейм-мастера. Среди них трое скрытых игроков, которые играют на стороне гейм-мастера. Каждому из вас присуждена роль, которую вы можете узнать по татуировке на запястье.

Доверяйте врагам

И друзьям доверяйте

Незнакомцам свое сердце вверяйте

Но среди двенадцати знаков отыщите троих

Что теперь стали во сто крат опасней остальных.

Задание первое: найти книгу правил.

Тайны скрывает то, что всё знает

Ключ otvorит знакомую дверь

Тот, кто быстрее других,

должен вернуться туда, где жил, узнав вкус потерь.

⁸ Желал – со старославянского

Время на выполнение задания: час. В случае невыполнения задания игроки подвергаются сожжению. Задание засчитывается в случае, если книга будет обнаружена тем игроком, о котором говорится в подсказке».

– Легко, – немного презрительно улыбнулась Варвара, начав спуск по тропе. – Пошли к тебе домой, Осинский.

Николай сжал в руке ключи от машины, которая приветственно бибикнула издалека.

Глава 8

Враг в отражении

Сон Су Джин

Мокрые пряди закрывали обзор. Сон Су Джин нащупала сумку, а потом одним жестом убрала волосы от лица. Несмотря на яркое солнце, холод пробирал до костей.

Она очнулась, стоя на коленях перед большим зданием, напоминающим японский замок. Вход в него немного выступал вперёд, темнея на фоне остальных частей здания. По обе стороны от портика стояли мраморные статуи псов, напоминающие львов. Красная черепица покрывала крыши, маленькие окна под ними напоминали бойницы или фонарики. Прямо позади Сон Су Джин шумел фонтан, вокруг дорожек зеленели клумбы и короткие газоны.

Сон Су Джин недоуменно моргнула, ощутив жжение в запястье. На чистой коже сама по себе возникла татуировка тигра в прыжке. Маленькая, почти незаметная. Шея не болела, и Сон Су Джин поняла: её невозможно убить.

Хосин⁹ пробуждает свою силу после третьей смерти. Су Джин узнала достаточно, пока валялась в отключке под водой. Любезный психотерапевт сам пришёл к ней во сне, с видом лектора из научного института рассказал много полезного.

«Это для вашего же блага. Вам так будет лучше. Ваше тело должно быть сильным. Тигры могут использовать молнии и огонь, просто захотев. Вам понравится. Я дракон, госпожа Сон», – вещал он внутри размытого сна.

Теперь поведение господина Кана стало несколько понятнее – сначала он не планировал будить в ней тигра, а затем решил, что если она сможет отрастить когти и клыки, ей будет безопаснее.

Су Джин знает много, но критически недостаточно. Значит, придется спрашивать у дракона. Она подошла ближе к портику и поднялась по ступенькам, игнорируя тяжёлые взгляды каменных стражей.

Су Джин уже знала и то, что этот мир нереален.

Надписи в небе фейерверками – банально и скучно. Су Джин скривилась – кто за этим стоял? Любитель компьютерных игр нулевых?

Буквы на табличках Су Джин легко идентифицировала как русские, но смысл сложился не сразу. Су Джин только поняла: перед ней музей. Краеведческий сахалинский музей.

– Господин Кан, – протянула она. Двери оказались незаперты.

Заданием первым для неё оказалось довольно лёгкое: игра в прятки. Звучало по-детски. Означало: найти первой всех игроков в конкретной локации. В музее.

«Тигр! Отыщите всех игроков на данной территории первыми. Попадите в яблочко каждого, используя пистолет. Глаза игроков завязаны лентами. Если они увидят вас раньше, чем вы попадете в яблочко, то вас испепелит их взгляд».

Сон Су Джин твердо решила: на сегодня с неё хватит смертей. Своих собственных.

Сон Су Джин собиралась вернуться домой, чтобы сдержать обещание, которое дала оппе¹⁰.

⁹ Хосин в корейской мифологии — это «дух тигра», испущенный умирающим тигром и получивший самостоятельное существование. По народному сказанию, он одарен необыкновенной силой, летает, выпускает из пасти огонь и мечет молнии. Множество легенд говорят о том, как хосин защищал людей от злых духов и приносил удачу.

¹⁰ Старший брат/парень для девушки в Корее

Первого она увидела быстро: на коленях стояла девушка, прикованная цепями к статуе охранного пса. Сон Су Джин попробовала подойти ближе к незнакомке, но с удивлением наткнулась на невидимую стену. Словно стена из толстого мерцающего стекла преградила путь.

Цепи на руках ярко контрастировали с образом девушки. Часть прядей сверкали рыжиной, часть отливали зеленью и голубым. Лента, шириной в три пальца, покрывала её лицо. Руки девушки цепи поднимали высоко над её головой, и она вертела головой, ориентируясь на звуки.

Сон Су Джин вскинула пистолет и прищурилась. Привычная тяжесть в руке успокаивала.

В любой подобной игре главный герой будет в выигрышной ситуации. Вопрос только в том, кто важнее для сюжета игры. Она? Или пестрая пташка на цепях?

Сон Су Джин радовало только одно: чем дольше она будет в игре, тем раньше вернётся. Такой временной парадокс. Об этом поведал фейерверк. Ей нужно всего лишь перемотать время в реальном мире на три дня. На три жалких дня. И тогда, очнувшись в своём мире, Сон Су Джин сможет увидеть брата живым и предотвратить катастрофу.

Сон Су Джин прицелилась, глядя на замок, скрепляющий цепи, ровно в тот момент, когда руки девушки стали полупрозрачными. Она сама высвободила руки. Металл звякнул о двор и ударился об статую. Пальцы девушки коснулись повязки. Сон Су Джин поспешно упала, обдирая колени. На брюках остались рваные дыры.

На траве рядом с фонтаном лежало яблоко. Пестрая пташка повернулась к ней, вновь касаясь повязки, Су Джин едва успела обхватить плод рукой, удивиться его яркому цвету и холодной тяжести. На яблоке была выдавлена печать – изображение свиньи. Сон Су Джин подбросила яблоко, бросила его в сторону незнакомки и выстрелила, в тот момент, когда лента упала с глаз девушки.

Яблоко взорвалось вспышкой конфетти. Конфетти, сопротивляясь всем законам физики, не опали, а сложились в надпись.

«Один игрок найден».

Сон Су Джин и не думала, что может опоздать, но рука немного дрожала. Преграда испарилась, и теперь Су Джин встала и протянула руку пташке. Обычная корейка, яркая, тонны краски и макияжа, белые рваные джинсы, перчатки без пальцев и белая рубашка. На оголенном плече расцветали чернильные розы – татуировка. Ещё одна, изображающая свинью, красовалась на запястье.

На протянутую руку она отреагировала не слишком вежливо.

– Иди ты знаешь куда, – буркнула она, опираясь на статую. – Меня зовут Лим Ён Хи.

– Как долго ты здесь? – сразу перешла к делу Сон Су Джин. Вежливые расшаркивания и формальности она оставит для совета директоров. Розовый пистолет Сон Су Джин убрала в сумку. Представилась спокойно. Вряд ли её имя что-то меняет в этой игре. Лим Ён Хи скрылась.

– По ощущениям только минут пять назад на площади Кванхвамун стояла. А потом увидела парнишку, не корейца, крашеного. Фиолетовые волосы. И потеряла сознание. Кэккум¹¹ сон.

Сон Су Джин кивнула. Всё сходилось – ведь она видела, как Лим Ён Хи просто возникла из воздуха прямо здесь.

– Идём внутрь, – взяла на себя командование Сон Су Джин. Лим Ён Хи скрестила руки на груди.

– С чего это ты главная, э? – вспыхнула эта невозможная. Сон Су Джин похлопала себя по сумке.

¹¹ Дурацкий, дебильный, бред собачий – с корейского языка

– У кого пистолет, тот и главный, – пожала плечами Сон Су Джин. В Корее пистолеты нелегалны, но в семье Сон были свои тайны.

Лим Ён Хи оскалилась и обнажила белоснежную улыбку.

– Не катит. Я уже умерла – я квисин. Не грози оружием призраку, – она выглядела такой самодовольной, что Сон Су Джин поверила. Только тот, кому нечего терять, может так спокойно реагировать на то, что его закинули в подобное место. Ладно, тот, кому подобное на руку, тоже.

Сон Су Джин готова верить в любую байку из тех, что бабки детям на ночь рассказывают, в любого монстра, даже подкроватного, если это поможет вновь увидеть Су Хо живым.

Ей нужно всего лишь продержаться подольше.

– Хочешь – оставайся. Я хочу убить своего психотерапевта, – она потянула на себя тяжёлую дверь. – Только учти. Я трижды умерла, мы здесь наверняка все мертвы. Но всегда можно исчезнуть окончательно, иначе бы не было смысла оставлять мне оружие.

Дверь отворилась с третьей попытки. Проклятое число три.

– Эй, я тоже иду, – воскликнула Лим Ён Хи.

Сон Су Джин наткнулась на первый зал с экспозицией довольно быстро. Она равнодушно скользнула взгляд по стендам, национальным костюмам и прочему. Боевая одежда, много стекла, предметы быта и картины не заинтересовали Су Джин. Она же не археолог. Синий блеск бус под картами мимолётно привлёк внимание. Сон Су Джин медленно двигалась по помещению.

– Господин Кан, где же вы? – вновь позвала она. Пахло пылью. Лёгкий полумрак не раздражал зрение, а идти Сон Су Джин старалась как можно тише и мягче.

Она не доверяла госпоже Лим. И сейчас не могла доверять никому. Темная часть сознания, от которой она привыкла отмахиваться, предлагала избавиться от возможной угрозы. Голос её набатом звучал в ушах, пальцы холодил бегунок замка на сумочке. Нужно быть практичнее, думать только о целях. Помехи не играют роли. Чувств быть не должно.

«Убей, убей, убей» – её отражение незаметно множилось, частично возникало в стёклах, защищающих экспонаты. Отличие между ней и отражением привычно было лишь одно: одежда. Те же белые волосы, только у отражения в них золотистый гребень. Та же фигура, но на отражении летящие ткани, украшенные дорогой вышивкой.

Ей говорили, что эта часть сознания – всего лишь воплощение стресса. Нужно сосредоточиться на чем-то приятном, и он замолчит. Этот голос.

Поэтому Сон Су Джин пыталась выжать себя досуха, занять сознание тысячью мыслей.

Шаги Лим Ён Хи стихли. Хлопнула дверь, и Сон Су Джин поняла, что осталась одна в комнате.

Наконец, она видит его. Белая рубашка выглядит почти прозрачной, обтягивает тело, а сам господин Кан тяжело дышит. Он вошёл в комнату и тихо позвал её по имени. На его губах дружелюбная, мягкая улыбка. Именно такой она выглядела в её кошмаре. В том, в котором она не справилась с тем, чтобы избавить мир от него.

Сон Су Джин вытянула руку и выстрелила в витрину. То, что она вытащила дэу из сумки, как только увидела его, Сон Су Джин даже не сразу заметила. Стекло разлетелось в стороны с приглушённым звоном. В этот раз она обязательно справится. Она не собиралась убивать Кана выстрелом. Пуля – слишком человеческая и слишком низкая смерть для монстра. Лук и три стрелы на стенде не слишком привлекали внимание. Чтобы убить господина Кана, она должна попасть прямо в сердце. Модели домов, обувь, сети для рыбной ловли. Всё не то, не то. Стекла разлетались одно за другим. Сон Су Джин сосредоточилась на своём дыхании.

На глазах господина Кана повязка. Черная лента. Он не может не слышать её. Но он не тянулся к ленте, не подчинялся правилам игры. Вместо этого он протянул руку к ней. Едва не коснулся локтя.

– Госпожа Сон? Или... уже...? – несмело уточнил он.

Сон Су Джин до глубины души плевать хотела на то, что он хотел спросить.

Рука побаливает, в висках стучит, звук выстрелов она слышит даже, когда не стреляет. Новый выстрел, ещё одна витрина разрушена, осколки стекла серебристой кашицей покрыли пол.

Сон Су Джин отводит взгляд от пустых глаз оленя и хватает в руку гладкую палку странной формы непонятого предназначения. Огонь разгорается в венах, которые послушно наливаются красным.

– Здравствуй снова, – наконец заговорила Сон Су Джин. – Мы слишком давно не могли встретиться.

Она попытается снова. В прошлый раз не удалось. Ну и что. Теперь она просыпается и они, наконец, стоят лицом к лицу.

Её тело слабое и жалкое, но даже современная девчонка может справиться с простым ударом.

Огонь вырывается из них, жадно облизывает палку, выплавляет из неё меч. Сталь хищно блестит в отсветах пламени. Рука на чужом теплом плече, господин Кан делает шаг назад, она, синхронно – шаг вперёд.

– Стой, сумасшедшая! – чужой крик. Кажется, юная Лим Ён Хи.

Кан Чжин Ён.

Нет. Канчхори. Дракон, повелевающий засухой. Тот, кто губит всё живое.

В его улыбке – привычная усталая грусть.

– Я рад видеть тебя, драгоценная, – говорит канчхори. – Теперь ты справишься?

Удар по затылку не вредит ей. Жалкий призрак не может тягаться с ней.

В осколках стекла отражается мокрая девчонка в бордовом пиджаке. Сон Су Джин боится.

А меч в руке хосин не находит сопротивления, прямой, честный удар. Из-под чёрной ленты стекает слеза, а в уголке губ скапливается кровь. Она проткнула его насквозь. Получилось?

Неуверенный смех вырывается из её глотки, контрастирует с испуганным криком. Кричит Лим Ён Хи.

– Что ты вытворяешь?! – кричит она, отвешивает ей пощечину.

Наверное, девчонка просто видела мало трупов.

Она развернулась.

Человек в маске материализовался прямо в воздухе. Канчхори кашлял, оседал на колено. Гнев и испуг заставили её сердце биться быстрее. Сладость жизни и горькая сладость смерти смешались в жутком, знаком запахе. Чёрно-белая маска, чётко расчерченная на две половины, будто усмеялась. Или насмеялась над ней.

Сон Су Джин билась в оковах её разума. Его руки, знакомые, пахнувшие домом и дымом, закрывшие её глаза – он подошёл со спины, прикоснулся и дал вдохнуть жизнь.

– Оппа, – тихо выдохнула Сон Су Джин. Теперь уже Сон Су Джин. – Су Хо.

Призрак брата зывал к её душе.

Мысли бились в истерике. Она не успевала уклониться, ей в лицо летела пуля.

Господин Кан обхватил рукоять меча обеими руками, резко рванул из живота – жуткая скорость, и брызги крови разлетаются, ржавым железом пахнут. Лезвие меча отбило пулю.

Она его едва не убила, а он спас её. Человек в маске, незнакомый Су Джин, уронил её на пол музея. Когти коснулись шеи. Су Джин услышала грохот: тело нападающего врезалось в экспонаты. Пластичный незнакомец в маске и капюшоне двигался быстро, легко и грациозно. Кан Чжин Ён – более отрывисто, словно боролся с собой. На его глазах – повязка. Всё ещё. Движения слишком быстрые, чтобы Сон Су Джин могла уловить их взглядом.

Сон Су Джин вскочила. Другое помещение. Чучела птиц за стеклом смотрели на неё из-под потолка пустыми глазами. Мёртвые волки сбились в стаю, опирались на серые камни. Медведи на задних лапах. Полки с хорьками и лисами, жуткие морды. Хотелось кричать, разбить руки в кровь.

Но принадлежала ли её ярость ей? Или она тоже той, другой? Сон Су Джин могла сражаться. Наносить удары, уклоняться, ускоряться и вновь. Но что делать с той, кто запустила когти ей в сознание? Как бороться с самой собой?!

Сон Су Джин хотелось быть – она потеряла то, что составляло её стержень, сердце её существования – контроль. Контроль над собой, над ситуацией, возможность принимать решения и знать – они твои.

Белая плитка пола, обычный кафель, нечто нормальное – Су Джин попыталась сконцентрироваться на нём.

Сцепленные тела врагов пронесли мимо неё и врезались в стекло стенда. Громкий звук резанул по ушам. Белая рубашка господина Кана вовсе не выглядела белой, и кровь стекала с его ладоней.

Вдохи давались тяжело. Сон Су Джин оперлась на стену, воздуха не хватало, и каждая секунда отдавалась хрипом. Перед глазами плясали цветные мушки, болели и замерзали руки, кололо сердце. Дышать нечем, дышать никак невозможно.

Уведомление от системы абсолютно некстати – стеклянные осколки стягиваются в кучу, становятся цветными.

«Тигр! Игра должна продолжаться! Найдите следующего игрока в течение минуты, иначе включится режим самовозгорания и игра для вас закончится».

Сон Су Джин пытается вдохнуть. Минута – шестьдесят секунд. Сон Су Джин бьёт по стенду трижды, пять раз, шесть – пока левая рука не окрашивается в алый, а несколько крошек стекла не застревают в ладони. Боль отрезвляет – на это она потеряла семнадцать секунд. Сон Су Джин вдыхает со свистом, быстрым жестом – открыть замочек сумки, сжать пистолет в дрожащей руке. Подождать, пока зрение нормализуется – ещё несколько драгоценных мгновений. Сон Су Джин смотрит на руку, изображение двоится, троится.

Сон Су Джин не имеет права умереть или сгореть. Сон Су Джин легко отмахивается от голоса в голове, ставшего мягким, почти нежным. Она пообещала помочь брату вернуться или хотя бы вернуть доброе имя. Сон Су Джин отвечает за Сон Су Хо и корпорацию.

Рубиновое яблоко с изображением дракона находилось за стеклом, рядом с чучелом лисицы. Два выстрела. Лента сползла с глаз господина Кана. Меч в руках её психотерапевта пронёсся вдоль тела человека в маске. Сон Су Джин отстранено услышала, как падает старинная ваза или нечто вроде из рук Лим Ён Хи – её волосы выглядят неестественно ярко. Она вошла тихо, но её вздох вновь разрезал тишину.

Уведомление о найденном игроке Сон Су Джин заметила равнодушно.

– До встречи, – глухо из-за маски произнёс напавший, растворяясь на багровые искры. Господин Кан прикрыл глаза, кивнул и завалился на кафельный пол, спокойно теряя сознание. Сон Су Джин подскочила к нему одним прыжком, изо всех сил встряхнула за плечи.

– Очнитесь! – приказала она ему. Голос звучал и хрипло, и тихо – но это нормально.

Сон Су Джин справилась с панической атакой. Не в первый раз, но обычно её успокаивал Су Хо. Его касания, хриловатый голос, его запах – брата слишком много в её жизни. Слишком много для смирения с потерей. Сейчас она и его призрака увидеть не могла. – Придите в себя, пожалуйста!

Ей нужно, чтобы Кан отчитал её, как обычно. Мягким, бархатным голосом посоветовал больше беспокоиться о себе и уметь сочетать отдых с делами, поставил рядом с ней стаканчик с её любимым кофе. Мокко, с горячим шоколадом и взбитыми сливками. Господин Кан всегда добавлял льда, хотя она лишь раз пожаловалась на слишком горячую температуру. Их

разговоры неожиданно оказались важны. То, что именно ему она жаловалась на многие свои проблемы. Он, конечно, не мог их решить. Только совет, например. Су Хо бывал и занят. Всё-таки он стал председателем, когда их родители погибли в автокатастрофе. Не беспокоить же его по пустякам?

Ей хотелось выглядеть старше в его глазах. Поэтому жалобы на подставивших её перед преподавателем однокурсниц, тяжёлый экзамен, бросившего парня – всё это доставалось Кану, и Кан скрупулёзно запоминал всё, и поддерживал.

Два столпа её жизни – и оба разрушены.

Господин Кан, всего лишь психотерапевт, спас её, вытащив меч из собственного живота.

Господин Кан перед этим действительно убил её. Зачем? Она спросит его позже. Он вытащил её из воды, сразился с мертвецом и перерезал ей глотку, используя огонь. Магический.

Су Джин трясла и трясла его, напоминающего куклу, набитую синтепоном. Мягкую и безучастную. Глаза плотно закрыты, раны стянулись с пугающим скрипом. Монстр ли он? Конечно. Не страшнее её.

Господин Кан не пришёл в себя. Ей же пришлось очнуться из-за удивлённого оклика Лим Ён Хи.

– Совсем крыша поехала? То протыкаешь насквозь, то ревешь, как девчонка. Ты его убить пыталась, и крушила всё – жутко вообще-то, – её плечо сжали ледяные пальцы. – Богачки все такие чокнутые? Убиваете друг друга, как нечего делать? Пистолет – почти игрушка?!

Голос Лим Ён Хи дрожал, как в истерике.

Другой голос, напротив, звучал спокойно и холодно.

– Я прошу вас воздержаться от подобных обвинений в сторону моей сестры, – отчеканил Су Хо. Он всё ещё напоминал фигуру из тьмы и дыма, мороз, исходящий от него, пробирал до костей, но он выглядел реальнее. Ещё реальнее. Может, потому что его слышала и видела не только Су Джин? – Если вы хотите избежать нежелательных последствий, конечно же.

Су Хо поднял руку Лим Ён Хи, разгибая по одному пальцу. Лим Ён Хи скептически поджала губы. Су Хо совершенно не пугал её, как и его слова. В её взгляде было куда больше ненависти, чем страха.

– Точно, одинаковые. Я же зареклась с богатеями связываться! Думала, никаких больше наследников, – проворчала она.

– А Су Хо и не наследник, – почти весело сказала Су Джин. – Он председатель.

– Извинитесь перед моей сестрой, госпожа Лим, – холодно заявил Су Хо, медленно вытаскивая осколки из её ладони. – Будь осторожна впредь, Су Джин.

Су Джин всё ещё отстранено почувствовала, как Су Хо отрывает кусок материи от её пиджака и плотно перебинтовывает порезанную ладонь. Его рука мерцала и шла помехами, как изображение на неисправном экране телевизора. Сердце Су Джин пропустило удар. Это мерцание всё сильнее напоминало о том, что её брата застрелили из-за обвинения в преступлении, которого он не совершал.

– Прости, что назвала тебя поехавшей, – примирительно протянула Лим Ён Хи. – Но что дальше делать будем?

Су Хо она взяла за запястье абсолютно беззастенчиво, и, что ещё больше удивило Су Джин! – он отреагировал вполне спокойно, позволил разглядеть руку. У него не было татуировки. Значит, он не является частью игры?

– О, непредвиденный элемент, – улыбнулась Лим Ён Хи. Эта девица всё больше напрягала Сон Су Джин. Что-то в её поведении царапало сознание.

«Тигр и свинья! Вы должны перейти на следующую локацию.

В омут с головой ныряйте,

И новый мир опять встречайте.

Желаю удачи».

– То есть мы можем его бросить? – Ён Хи кивнула на лежащего на полу господина Кана. Он всё ещё выглядел неподвижной куклой.

– Вероятно, он уже выбыл из игры, – предположил Су Хо.

– Нет, – Су Джин не собиралась бросать его тут. – Нет, он ещё пригодится. Он был сильным. Сейчас просто без сознания. Господин Кан станет моим оружием, когда очнётся, ясно?!

Су Джин обращалась только к брату – Лим Ён Хи волновала её куда меньше. Она снова ощутила себя двенадцатилеткой, устраивающей скандал из-за бродячего щенка со сломанной лапкой и просящей забрать его с собой.

Су Хо тогда подчинился. Правда, щенка она позже подарила однокласснице и ещё пару дней назад любовалась его фотографиями в соцсетях. Аллергия на собак возникла у Су Джин через полгода после тесного общения с псом, и она даже попала в больницу – задыхалась.

Не это сейчас важно. Почему она вообще сравнивает психотерапевта с щенком?

Потому что Су Хо и сейчас согласится с ней.

– Как? – вместо этого спросил Су Хо. Вопрос Су Джин поняла сразу: как они понесут Кана? Выше её, он явно весил слишком много, чтобы Су Джин могла его поднять. Сам Су Хо не вполне мог контактировать с живыми – нечто всё же отличало его от такой же мёртвой Лим Ён Хи. Одно дело вытащить осколки, а другое – долго нести вес, сравнимый с собственным.

Су Хо повернулся к Лим Ён Хи и внезапно уточнил, меняя суть вопроса.

– Как те... вам удастся быть настолько материальной? – он неопределённо взмахнул руками.

– Ты хочешь быть, как я? – приподняла брови Лим Ён Хи. Она встряхнула изумрудными и алыми локонами, приближаясь к Су Хо. Провела кончиком пальца по воротнику пиджака Су Хо и хихикнула.

Да она с ним флиртует!

Сон Су Джин потрясённо моргнула, а Су Хо осторожно отодвинул её ладони. Вернее, лишь попытался. Его руки прошли сквозь неё. Сон Су Джин видела его напряжение.

Признание своей слабости казалось брату тяжёлым, как предательство самого себя. Су Джин понимала это.

– Да, – выдавил он.

Истинное лицо выглянуло из-под внешности живой девчонки: сломанная шея, пятна крови, искаженная гримаса, рот с острыми зубами и белое платье. Призрачная сущность квисина, которой и была Лим Ён Хи, смотрелась слишком органично в зале с чучелами. Она резко мотнула головой.

– Мой убийца был похож на тебя. Такой же наглый и самоуверенный. Он сбросил меня с крыши, а полиция открестилась от моего дела. Меня объявили самоубийцей, ясно? Он наслаждался моим страхом. И я не собираюсь помогать тебе. Только посмеюсь, если вы сгорите заживо. Я выиграю и одна, – Лим Ён Хи почти рычала. Развернулась она мгновенно, оттолкнулась от пола и исчезла за дверями. Передвигалась она дикими прыжками, словно старалась наглядно продемонстрировать свою сущность, а ещё – словно в её теле не существовало ни одной кости, ничего, чтобы мешало изгибаться.

«Начинается сожжение локации. Покиньте её в течение тридцати трёх секунд».

В воздухе пахло дымом.

Су Джин бросилась к выходу. Потом развернулась, опустилась на колени перед господином Каном и попыталась поднять его. Прикосновение Су Хо было похоже на дуновение холодного воздуха, а не касание руки. Вокруг, напротив, становилось удушающе жарко. Пламя словно вырвалось из щелей между кафельных плит пола. Каждый рывок огня – громкий щелчок. Су Хо уже не просто касался, а тряс, испуганно теряя самообладание. Су Джин понимала его панику, которая легко читалась без слов.

Его пальцы теперь раз за разом проходили сквозь её плечо.

Огонь не дымил, но обхватил лодыжки господина Кана жадными прикосновениями, словно пытался сожрать его, заглотить.

Гнев оказался сильнее чего-либо, и Су Джин сжала Кана за воротник, выбегая прочь. Шкафы и стеллажи сложились на полу комнаты грудой мусора. Су Джин задержала взгляд лишь на секунду, встретила глазами с глазами мёртвого оленя.

Господин Кан казался теперь жутко лёгким. Или она стала сильнее?

Омут? Что ещё за омут?

Двери. Ступени. Огонь рвался за ней. Су Джин двигалась быстрее. Ещё быстрее. Она буквально упала на траву, волоча за собой Кана.

Взгляд зацепился за фонтан. Трава загорелась, Су Джин не смогла увернуться от нового потока пламени, ударившего в плечо. Боль обожгла руку и шею. Вода. Омут – это вода. Су Джин упала внутрь за мгновение до того, как музей и всё вокруг поглотил огонь.

Последним, что она услышала, стали механические аплодисменты.

Глава 9

Привет из прошлого

Баюн

Карта, едва не убившая упыренка, испарилась.

Зато возникла надпись. Капли крови упыря собрались вначале в одну лужу, от которой Баюн брезгливо отскочил. Он не понимал, что за бегающая дрянь?

Жгуче захотелось схватить первую попавшуюся тряпку, да оттереть шуструю черную жидкость. Так, чтоб и следа не осталось. Но Баюн представил, как касается рукой странной дряни, а то ещё вверх ползти, поди может. От мысли о том, как жидкость карабкается по шее, от рисуемых воображением склизких прикосновений, сделалось тошно.

– Что происходит? – нахмурился Арсений. Он резко подобрался на кровати.

Баюн подскочил, оказываясь рядом с ним.

Кровь сложилась буквы, а те в слова.

«Игра продолжается».

– Что ещё за игра? – восклицание разной степени цензурности вырвалось у них почти одновременно. Баюн закатил глаза – Арсения обвинить в подставе стало куда сложнее. Ну смог разве он бы столь натурально удивляться? Актер из Арсения не лучше, чем киллер.

Татуировка, возникшая на руке – небольшой кролик – Баюна вовсе не обрадовала. Он меланхолично потёр её пальцем, но изображение никуда не делось.

Надпись зашевелилась и ответила:

«Игра жизни и смерти».

– А не пошла ли бы ты знаешь куда? – уточнил Баюн.

Их втягивали в то, что ему совсем не нравилось. Ему бы вначале разобраться с заказом его смерти и ниточками, ведущими к русалке Варваре.

– Каковы правила? – спросил Арсений, медленно вставая на пол.

«Правила сможете узнать, встретив того, кто раньше вас начал играть».

Баюн спустился на пол. Размял плечи и перекатился с носка на пятку. Сможет ли он бежать, если понадобится?

– Хочу увидеть главного, – потребовал Баюн.

«Коджо, моджори»¹² – отреагировала кровь. Баюн зашипел.

– Невежливый главный, – поцокал языком Баюн. – Давай играть. Посмотрим, кто удачливее.

– Да как ты...?! – отчего-то испугался Арсений.

Баюн подошёл к двери.

¹² Иди к чёрту, дурак – с корейского языка

– Хэй, кровь, я ухожу, – дверь легко поддалась, но Баюн тут же захлопнул её обратно. Потому что за ней не было коридора.

Не было полумрака.

Вернее, не было вообще ничего. Абсолютная, черная, слегка шевелящаяся тьма.

Баюн распахнул окно, посмотрел вниз – пятый этаж, затем схватил Арсения за ворот толстовки и прыгнул. Он приземлился на асфальт, легко согнул колени и улыбнулся. Только слишком длинные волосы лезли в глаза. Арсений оказался куда менее ловок – скорчился рядом с блеклой лавочкой и баюкал руку, в которой с хрустом срастались кости. На плече остался кровоподтёк.

– Псих, – прокомментировал действия Баюна Арсений. – Полный псих. Я не собираюсь бросать дом.

– Очнись, дружок. Это не дом, не наш мир и вообще нереальность. В реальности никто не переписывается кровью на расстоянии, а за дверью не оказывается тьма. Да и то, что твоя собачонка исчезла, тоже ненормально.

Баюн убрал волосы с лица. Улица выглядела почти нормально: деревья, асфальт, обычные многоэтажки и голубое небо. Машины на стоянках. Слева расположилась ледовая арена Холмска, чтобы это не значило – невысокое здание в весёлых голубых, белых и жёлтых цветах. Тяжёлые квадраты балконов нависали друг над другом.

Качественная подделка.

Всего одно весомое отличие: ни одного человека, кроме них двоих. Ни одного бродячего пса. Даже голубей и тех не было.

Машины – пустые. В окнах не горит свет. Всё такое, каким и должно быть. Дорога ускользала взад и вперёд, далёко позади таилась высокая спина горы, поросшая зеленью. Небольшой магазинчик – крыльцо, навес, две ступеньки – никакой угрозы. Какая угроза может крыться в продуктовом?

Баюн заметил, как открывается дверь магазина и сначала расслабленно выдохнул, а потом бросился бежать, не забыв сдернуть Арсения на ноги. Может, пригодится ещё?

У Баюна всё ещё была хорошая память. Да, ему иногда снились кошмары о бывшей, умершей любимой. Но кошмары о том, что произошло раньше посещали его куда чаще.

Может, смерть Сок Хе Джин всё-таки его рук дело?

Смотреть на мужчину, вышедшего из магазина – больно до комка в горле. Окладистая борода, густые каштановые волосы, перевязанные алой лентой, высокая, крепкая фигура – князь всё ещё выглядел сильным. Перевязь с мечом, арбалет в руках, тяжёлый плащ на широких плечах – заслужил ли Баюн смерть от его руки?

Его первая жертва.

Первый убитый по чужому приказу.

Баюн моргнул. *Холод далёкой реки, чужая шея под пальцами, бурлящая вокруг тьма – мир тогда раскололся на ощущения, чувства и цвета.*

– Почему мы бежим? – уточнил Арсений. – Куда? Зачем?

Пока упыренка не сказал ещё что-нибудь, Баюн зажал ему рот рукой.

Граффити появилось на стене.

«Игра в догонялки! В раунде первом Кролик встретит того, кого встречать не желает.

Выиграет тот, кто не убегает».

Надпись он прочитал за долю секунды, буквально коснувшись её своей тьмой.

Это такая ирония, да? Встретить собственную жертву? О, да, великого князя он точно не желал встречать. Великий князь смотрелся донельзя нелепо рядом с вывеской магазина и мятным цветом стены многоэтажки.

Баюн всегда бегал быстро, мог при желании обогнать лошадь, пущенную стрелу или бежать вровень с соколом. Упыри тоже медлительностью не отличаются.

Баюн прислушался к биению собственного сердца, к движению ног и рук. Вдох-выдох. Холодное чужое плечо под ладонью. Возможно, он сжимал слишком сильно. Глаза закрыл, оставил только щелку – видеть дорогу.

Вывеска продуктового Холмска.

Светлое высокое здание.

Смазанный силуэт зелени вдоль дороги, отрезанной от асфальта кованым заборчиком.

Перед самым его лицом пролетел арбалетный болт и врезался в дерево, искривившееся рядом с жёлтой стеной.

Стрелял не князь. Стрелял один из его вернейших людей. Сильный дружинник, воин. Тот, кого Баюн также убил. Вторым. Ещё молодой, стоящий в трёх шагах, впереди них. Русые усы мужчины вились вдоль его лица.

– Что за историческая реконструкция?! – от удивления глаза Арсения стали похожи на плоски. Он мотнул головой, неожиданно замер и прищурился. Кожа на кончиках его пальцев посерела, и каждый ноготь превратился в заострённый коготь. Баюну смешно сделалось. Неужто упыренок драться пожелал?

С низкой крыши здания слева спрыгнул ещё человек.

И ещё. Сколько же их? Двадцать? Двадцать пять?

Мечи, луки с горящими стрелами, арбалеты – всё это направлено на него.

На стене появилась надпись и стрелочка. **«Финиш – в той стороне»** – гласила она, показывая туда, откуда они пришли.

На улице Героев не место злодею вроде него – Баюн это отлично понимал. Но жалел, что втянул мальчишку. Тёмные волосы Арсения были забавно взъерошены.

Первый удар меча Баюн лениво отбил отросшими когтями.

Чужие глаза – так много.

Моргнул – вспомнил, как они умирали. Все – по-разному. Одинаковое – кровь и страх.

Вот, одного он опутал его собственными кошмарами и заставил поверить, что тот идёт по пустому полю, а не по дну реки.

Другого – что огонь его не жжёт.

Помнить и смотреть Баюн себе запрещал.

Арсений выглядел излишне растерянным. Особенно, когда не успел увернуться – стрела вонзилась ему в раненное плечо, вырывая брызги черной крови.

– Ты же вроде обещал, что не дашь мне погибнуть, – выдохнул он, прячась за спину Баюну.

Баюн развернулся быстро, успел оттолкнуть противника и схватил Арсения за синюю толстовку, бросая его на дерево. Тот уцепился за кору когтями здоровой руки и вскарабкался выше.

На шее Баюна сомкнулись пальцы – холеная мужская рука, перстни с самоцветами, узлы шрамов, поднимающихся под рукав.

Когда Баюн пересекся с ним взглядом, ноги Баюна подкосились.

– Брате мой, – мягко произнес красавец княжич с васильковыми глазами и черными кудрями.

Баюн помнил княжича. От его взгляда перехватывали дух.

Вначале княжича звали Велемир.

– Брате! Я должен прощения молить, – сладко вымолвил княжич Велемир. Точно такой, как две тысячи лет назад. – Я словно бы обезумел от жажды власти, не смог себя контролировать. О, насколько же ты лучше, чище меня был. Негоже зверю лесному на цепи сидеть, духу без сердца жить.

Это – именно те слова, которые он всегда жаждал слышать. И слушал, как заворожённый. Давным-давно Баюн вёл себя наивно, как слепой котенок. И подружился с юным, слащавым княжичем, после того, как исцелил от ран, а тот в отместку надел на него ошейник, цепь и взял в дар сердце.

Они стали побратимами прежде, чем стали врагами – смешали кровь над черной землёй. Всё, как и говорил Велемир.

Сердце – магическое, естественно. Средоточие силы, лежащее в груди. Но если забрать такое у нечисти вроде него, то она подчиняться будет во всём.

Баюн долго играл роль послушного раба княжича, и долго надеялся на возвращение дружбы...? братства...? принятия?

Велемир приказывал ему – убей, убей. Баюн убивал, Баюн ненавидел и надеялся.

Профессиональный убийца на чужой службе.

– Говори ещё, – велел Баюн.

Пальцы в перстнях коснулись плеча, Велемир опустился на колени, роняя вслед за собой и Баюна. Длинные патлы вновь мешали видеть.

– Я правда сожалею, брате, – признался Велемир. – Я сожалею, что оставил тебя в живых. Ты оказался опасным, нечисть поганая.

Они оба помнили, к чему привели их отношения. Велемира Баюн сделал Бессмертным своими чарами, смерть его спрятал и служил ему верой-правдой, до поры. А затем новое сердце выросло в груди – на такое требуется всего лишь триста лет, три года да три месяца. Но не все могут вернуть магический дар, главное условие – быть рядом. Тогда и пользоваться силой можешь, и вернёшь её однажды. Коли оно далече – прощайся со всем.

И Баюн устроил так, что Иван, сын Велемира, убил отца.

После Баюн обглодал кости бывшего брата – а вдруг он возвратится? – и сбежал с ненавистой цепи.

Но привязанность даже к мёртвому врагу – славный яд для него.

От обращения Баюн попросту не мог пошевелиться. Острые слова не удивляли, нет. А вот одно лишь «брате»! Даже когда блестящей сталью на солнце меч затанцевал на его спине, прежде чем вонзиться в плоть, он не шевельнулся. Рот приоткрылся в беззвучном крике.

Баюн удивился другому – почему меч нанёс столь незначительную рану? Даже присутствие мертвецов в нереальности уже не так удивляло. А это? Смерть Велемира совсем слабаком сделала? Спине сделалось влажно от крови, но боли почти не ощущалось.

А потом он всё-таки открыл глаза – пошевелиться всё ещё казалось сложным, да каждый вдох перемещал его в прошлое и напоминал обо всём. Над ним стоял Арсений. Именно его рука остановила удар.

– Руки прочь от моего хозяина, реконструктор недоделанный, – выругался Арсений.

Все остальные оскорблённые и убитые безмолвствовали – видимо соблюдали порядок живой, вернее, мёртвой, очереди.

Баюн вскочил. Чистота сознания возвращалась медленно – теперь пафосная ностальгия немного отступила, а её место заняла брезгливость – хотелось срочно найти воды, да очистить одежду от крови. Лучше – сменить.

Арсений зарычал – вполне натурально, на “отлично”. На человека он вновь походил весьма отдаленно. Баюн почувствовал ожог стыда – вот кто остановил меч Велемира – Арсений перехватил лезвие ладонью, сжал, и на коже зиял некрасивый глубокий порез.

– Это кто такой смелый выискался? – белозубо засмеялся Велемир, прежде чем вырвать меч из рук упыренка. Лезвие порхнуло вверх, к животу упыренка, защищенному лишь клетчатой рубашкой. Баюн пнул Велемира в живот и запрыгнул на ветку дерева, прижимая Арсения к себе. Полезный мальчонка оказался. Верный. Вот всем бы наёмным убийцам так к несостоявшимся жертвам относиться, однако.

– Это ещё кто? – выпалил Арсений, пока Баюн вытаскивал стрелу из его плеча да пере-
вязывал ладонь лоскутом, оторванным от его же рубашки.

– Надеюсь, ты правша, – флегматично протянул Баюн. – Каленое железо надолго раны
нежити оставляет. Без руки хотел остаться?

– Кто это вообще? Вы знакомы? Он сюда заберется? – вывалил рой вопросов на него
Арсений.

– Про Кощея слышал? – невинно уточнил Баюн, кивая на красавца Велемира.

– И? – нахмурился Арсений.

– Моя работа. Я его создал. Из княжича. Бессмертие на кончике иглы. Игла в яйце, утка,
заяц – всё такое.

– Безумие, – помотал головой Арсений. – Чистой воды безумие.

– Больно? Хотя, что это я. Конечно, больно. Спеть тебе песенку? – подмигнул ему Баюн.
Мертвецы, включая Велемира, остались далеко внизу – даже арбалетные болты да стрелы не
долетали сюда. Только шевелили листву, да ненавязчиво стучали по стволу. Под ними – шеро-
ховатая поверхность ветки дерева.

– Издеваешься? – ощерился Арсений. А потом моргнул, возвратил себе человеческий
вид и избавился от когтей. – Кстати. Совсем забыл. А ты вообще кто?

– Только не говори, что не знаешь за чью смерть тебе платили, – усмехнулся Баюн. Дырка
в рукаве выставляла рану на обозрение, и он попытался действительно спеть: тихонько, под
нос, словами сращивая края следа от стрелы. Наконечник Баюн уже вытащил, и даже очистил
плечо тряпицей от следов крови.

– Мне хватило информации о местоположении и внешнем виде, – вновь огрызнулся
Арсений. Он дернулся, отодвинулся и зло посмотрел на Баюна. Баюн понимал – когда исцеля-
ешь, жжется. – Не хотел думать и жалеть.

– Какие мы сентиментальные, – поцокал языком Баюн. И представился. Арсений, не ожи-
данно для них обоих, громко и истерично засмеялся. Так, что едва не упал с дерева.

– Что за дурацкая сказка?! Ещё скажи, что ты с Бабой Ягой знаком. Кощей, кот Баюн –
да такого не бывает! – Арсений на секунду зажмурился.

– Никто, назвавший мою мачеху бабой, не выжил. Она ещё вполне молодая – даже сотни
тысяч лет не исполнилось, – Баюн вздохнул, пользуясь передышкой. Ещё немного – опять
бежать или сражаться. Его передёрнуло. Сражаться ещё куда ни шло. Убивать он не будет.

Ни за что. Никогда. Даже мёртвых. Даже если на кону окажется его жизнь. Хватило с
него. По горло сыт.

Потому что они не выглядели мёртвыми. Они говорили также. Ни тлена, ни смерти. Как
он может убить их ещё раз?

Раны на плече Арсения почти стёрлись, и Баюн перешёл к его ладони. Они не благода-
рили друг друга. Ещё чего? Не ради Арсения он его лечил, не ради него сам Арсений рисковал.
Ради самих себя.

Несколько секунд тишины прервалось, когда на стволе, чуть повыше них, выжглась сама
собой надпись. Вернее, таймер. Видимо, минуты и секунды, сменяющие друг друга. И на месте
минут и часов остались нули.

**«Возгорание в качестве наказания за невыполнение задания игры начнётся
через 3...**

**Возгорание уничтожит одного из вас, если вы не достигнете финиша в нужный
час»**

Арсений зашипел – видимо, игра посчитала его менее ценным. Вместо когтей его руку
увенчали огоньки. Соседние деревья горели. Арсений уже не просил о помощи.

Баюн оценивающе посмотрел вниз. На тех, кто явно жаждал их прикончить. Арсения, видать, за компанию. Затем вверх – на подступающее пламя, гудящее и дымящее. Хотелось закашляться, обратить внимание на дым, копоть и едкий запах.

Вместо этого Баюн прикинул в голове простенькую задачку. Дано: огонь, мертвецы и они двое. Найти: способ добраться до финиша. Решение?

О, ещё загвоздка. Выиграет тот, кто не убегает.

То есть избавиться от них всё-таки нужно. Мерзко – он не собирался заниматься чем-то подобным. Ещё один вопрос. Баюн лениво посмотрел на огонь, пожирающий только что исцеленную руку Арсения. Точнее, утверждение.

– Тебе придется мне довериться. Мы уйдем отсюда с высоко поднятыми головами. И вернёмся в реальность – позже, – Баюн скептически смотрел на него.

Чернильная тьма его силы ещё ярче смотрелась на фоне рыжего огня и сизого дыма.

Столкновение с асфальтом оказалось мягким. Тьма заволокла отдаленные участки улицы. Арсений сдавленно замычал – сдерживал крик, наверное, и тут же большинство тех, кто мечтали убить его, склонили перед ним свои головы.

Хотел игры, создатель? Что ж, Баюн всегда любил игры. Сытый кот долго способен с мышью играть, даже если та изловчилась сама делать котоловки.

Тени скрывали огонь на его руке, изменили лицо и наложили иллюзию на одежду. Память верна и тем, кого Баюн считал мертвецами – так пусть и послужит против них.

Меньше минуты – разве мало времени? Уйма.

Арсений смотрел на мертвецов растерянными глазами их великого князя, того, кого почти каждый из них защищать клялся. Великого князя Избора, чей сын Велемир прятался за спинами отцовских дружинников от него. Избора Велемир единственного боялся, хотя и был тем, кто однажды заставил Баюна убить старого князя.

Избору подчинялись все. А уж побыть княжеским заложником – дело почётное. Баюн надеялся, что Арсений догадается подыграть.

В руках Арсения, находившегося под мороком, возник сотканный из теней черный меч и Баюн подошёл ближе.

К его счастью, дураком упыренок не был. Наивным временами, шокированным и чересчур чувствительным – но не глупым. И среагировал он быстро, и уже сейчас шею Баюна холодила сталь иллюзорного меча.

Дышал Арсений тяжело. Баюн понимал: сложно не показывать боль, когда, верно, хочется кататься по земле и сбивать огонь, кричать, ругаться.

– Княже, что прикажешь, – вислоусый дружинник почтительно склонил голову. – Убивца нашего казнить как будем?

Баюн едва не фыркнул. Его казнить собрались! Но пришлось брать себя в руки и выпускать более тьмы, меняющей голос упыренка.

– Позже, друг мой, позже, – молвил упыренок, держа меч у его горла, быстрым шагом двинулся в сторону финиша. Запах горелый плоти щекотал ноздри. Баюну хотелось чихнуть. Граффити показывали дорогу, и всё шло на удивление гладко. В последний момент Баюн вырвался из чужих рук, прикасаясь к символу финиша ладонью. Удар о стену дома, на котором был начертан круг с алым центром, подозрительно напоминающим мишень, содрал кожу с ладони. Баюн не собирался подставлять упыренка. Пригодится.

Огонь исчез.

Баюн принялся. Где подвох? Слишком просто.

«Первый раунд догонялок пройден. Наказания отменяются, так как вы успели в штрафное время. Условие остаётся прежним. Начинается второй раунд. И пусть победит сильнейший».

Мертвецы начинали выглядеть именно так, как должны были. Тлен, разложение, белый блеск костей.

Этих – не обмануть. Невозможно обмануть тех, у кого нет разума, нет памяти, нет жизни. Арсений попятился.

Баюн не имел при себе оружия, его магия могла дурить головы, а не влиять на материю – живую или мёртвую. Но, теперь, когда сходство со знакомыми, близкими и врагами, уменьшилось, он выдохнул спокойно и довольно.

Всё-таки, в выживании он действительно профессионал.

– Даю последний шанс! Убирайтесь! – крикнул Баюн, разминая плечи. Мальчишка-воин со стукающим по спине арбалетом диким, звериным прыжком приземлился ему на шею, уронив на асфальт.

Что ж, вероятно, это означает «нет». Баюн отпихнул излишне живого мертвеца и воткнул ему стрелу прямо в горло, самое уязвимое место нежити – после сердца, конечно. Стрела, вытащенная из плеча Арсения.

– В сторону, упыренок, – рявкнул он. Он же обещал выбраться отсюда.

Баюн выдернул стрелу, мертвец обратился пылью, которую погнал ветер.

Сразу двое. Один стреляет, голова отрублена, но целится. Баюн схватил первого попавшегося нападавшего, используя его как щит. Потом отрастил когти и резким ударом пробил и кольчугу в мелких, противно звякающих звеньях, и грудь, вырывая сердце и ломая ребра. Потерял лишнее мгновение – омерзение скрутило желудок, а рука дрогнула.

Баюн уворачивался – чисто механически. И бил также. Всем что попадалось под руку. Заострённый конец ветки, чужой меч, оторванная дверца старой машины. Край дверцы начисто отрезал голову нападавшего, и Баюн отбросил её в сторону. Металл отбил чужой кинжал.

Баюну было даже забавно, что прижизненные травмы на монстров не влияли, а вот нынешние вполне могли нанести реальный урон.

Это было почти просто. Перестать контролировать себя разумом. Отдаться инстинктам. Баюн увернулся от очередного удара, выхватил чужой арбалет и выстрелил несколько раз, прыжком увеличивая расстояние между собой и нападающими. Спина ударилась о стену дома. По щекам стекала чужая, гнилая кровь. Баюн проскользнул под летящей стрелой, звякнули когти о сталь меча.

Услышав вскрик упыренка, Баюн прыгнул к нему, резко оттолкнулся от дерева и проткнул грудные клетки обоим напавшим на Арсения. Кровь брызнула фейерверком, хрустнули рёбра под его ногой, и Арсений отполз, словно испуганный.

Баюн мотнул головой, как в трансе. Волосы совсем уж слиплись, но даже это ему не мешало. Баюн запрыгнул на капот машины, отломил ветку раскидистого дерева, росшего у дороги, и разломал её пополам. Ветка хрустнула, показался острый, неровный конец.

Когда никто не поспешил нападать, Баюн принялся. Прислушался. Прерывистое дыхание Арсения резонировало с ускоренно бьющимся сердцем самого Баюна. Раздался шорох – последний труп выскочил из-за угла. Прыжок. Баюн схватил его за волосы, с хрустом отрывая голову. Показался развороченный позвонок и снова брызнула гнилая, темная кровь.

Вот и всё. К Арсению он подходил неспешно, медленно переставляя ноги. Упыренок попятился и вздрогнул, но всё же подошёл и сам. С большим удивлением Баюн заметил, что он улыбался:

– Это было потрясающе, – выдохнул Арсений. – Потрясающе глупо, позер древний. А если бы тебя убили? От меня-то толку мало.

Баюн несколько раз моргнул. Взгляд медленно сфокусировался. Сфокусировался на том, в какие лохмотья превратился рукав нелепой клетчатой рубашки упыренка, на почерневшую от огня кожу руки, на кровь – чужую и его собственную. Арсений опустил на колени и схватился

за горло: его вывернуло, вытошнило пустой желчью. Он поднялся слишком быстро и слишком резко, подскочил к Баюну.

– Живы мы, уже хорошо, – рассеянно буркнул Баюн. Он попытался стереть кровь с лица, но лишь больше запачкался. Мерзость. Арсений широко распахнул глаза. Баюн презрительно усмехнулся.

– У тебя же кровь! – выпалил Арсений. Он смотрел на ногу Баюна непонятным для него, встревоженным взглядом. – Сейчас-сейчас, я вспомню, как оказывать ПМП, повязка... нужно сделать тугую повязку. Чтобы остановить кровь, да.

А ведь Баюн даже не заметил, как один из мертвецов порвал кожу и плоть на его бедре. Штанина пропиталась бурым цветом.

Ему срочно нужно вымыться.

Арсений суетился, пытался сделать перевязку, а Баюн лишь рассеянно смотрел вдаль.

Баюн долгое время был убийцей, ещё более долгое время – лекарем. Он видел слишком много чужих болячек, но его раны никогда не интересовали никого. Взволнованность его несостоявшегося убийцы, его временного союзника, этого странного мальчишки, словно тонким осколком стекла резала нервы.

Баюн был готов драться или доказывать право на жизнь. Сталкиваться с ложной заботой оказалось чем-то новым. Незнакомо, непонятно, чуждо. Баюн – его и самого это удивило – не оттолкнул Арсения, а подождал, пока тот закончит. Даже не сообщил, что его регенерация способна справиться со всем достаточно быстро и легко, без всякой посторонней помощи.

Его ладонь коснулась теплой поверхности стены, нагретой сентябрьским солнцем. Там, где был обозначен финиш.

Вместе с граффити, возникшими на стене и поздравляющими с завершением раунда, с неба посыпались яркие, разноцветные конфетти. Баюн раздражённо чихнул.

Встревоженность Арсения заиграла новыми нотами и пахнула нелепой сладостью. Как будто в неё вплелось предвкушение. Он приняховался, словно чувствуя нечто хорошо знакомое. Арсений растерянно вертел головой.

– Я чую Николая. Мой брат рядом, – пробормотал Арсений. Он развернулся, неуклюже подскользнулся на луже крови и помчался на запах.

Теперь Баюн остался один и только успел рассмотреть татуировку на запястье Арсения – небольшую фигурку быка, которой не было, когда они дрались в переулке под фонарями реального мира.

На колени Баюн рухнул устало. Боль от удара об асфальт разлилась по телу приглушённым эхом.

Чужая кровь на руках, на лице. Баюну казалось, что она шевелится. Ползет, вверх и вниз, заливает глаза.

В ушах стоял хруст чужих костей. Дышать становилось труднее.

Баюн прикрыл глаза – не хотел видеть. Трупы, трупы, пустые глаза. Взгляд как назло выхватил знакомые черты. Снова.

Почему он снова сделал это всё?!

Зачем не сдался?!

Теперь, когда рядом больше никого не было, даже упыренка, не перед кем было храбриться.

Закрыв глаза. Вновь почувствовал мягкую плоть под когтями, чужое сердце в ладони, прохладу окровавленной стрелы.

Вдох-выдох. Мир вертится. Баюн тер красноватыми, грязными пальцами лицо, методично царапал когтями. Лишь бы избавиться от всей этой грязи, выскочить из надоевшего тела.

Земля качалась вместе со всеми следами его безумия.

В глазах Велемира застыла чужая ненависть. Князь, дружинники, убийцы и убитые.

Стекло чужих глаз. Баюн прерывисто выдохнул. Его мутило. Они все снова умерли от его рук.

Серый асфальт, громады домов, да издевательски голубое небо менялись местами по пять раз за мгновение. Воздух не пробивался в лёгкие, под ногтями застыла свежая кровь – его?

Баюн упал, приземлился прямо на чужое тело, ударился виском и всё ещё не мог вдохнуть.

Он не должен был – не имел права – не должен.

Сквозь полуопущенные ресницы Баюн заметил чужую тень и белую прядь волос. Мокрая ткань коснулась его лица, а прохлада показалась обжигающе горячей. Стирающаяся кровь приносила болезненное облегчение.

Глава 10

Дом, милый дом

Николай Осинский

Машина мягко ехала по чистой асфальтированной дороге, высились аккуратные двух – и трёхэтажные домики, тонущие в осенних цветах. Трава – подстрижена, солнце ровно светит. В этом месте всё было словно вымерено, приколочено, установлено в рамках и законах.

Можно поверить, что ничего не случилось. Ни проблем с деньгами, ни двух смертей, ни его собственного обращения в упыря. Он, конечно, за рулём своей машины, едет по знакомым с детства улицам. Но на его плече заснул почти незнакомый парень с прядями фиолетовых волос, лезущих из-под натянутого капюшона. Громкие удары сердца Станимира отвлекали Николая от дороги, а каждый вдох заставлял рот наполниться вязкой слюной, желудок – болезненно сжаться.

Николай так резко выкрутил руль, что сидящая сзади Варвара вскрикнула:

– Смотри, куда едешь, отморозок, – сонно пискнула она.

У них – час. Вернее, уже тридцать семь минут.

– Ты сама говорила торопиться, – огрызнулся он.

Забрать книгу правил, обмануть систему и вернуться домой, к работе. С новым голодом он как-нибудь разберётся, а может, и на пользу обратит. Голод, собственно, пугал его меньше всего. Куда больше – насколько будет волноваться мать, если он не вернётся до вечера и что станет с его работой, если он пропустит день или два.

Эта часть города не выглядела похожей на окружающую среду. Слишком чисто, почти стерильно, ни луж у дороги, ни грязи, ни одной неровной линии. Каждая частичка поселка Зима, находящегося в сердце Южно-Сахалинска, напоминала о доме и царапала нервы мелкими осколками. Элитный поселок, разделенный на сектора, принадлежал компании «Сахалинская энергия», её работникам и акционерам.

Машины смиренно стояли на парковках, в светлых домах не горел свет, звуки не доносились из магазина и бассейна.

Хватка тревоги на горле усилилась. Что он увидит, когда войдёт?

Что за чёртова игра? Где его семья?

Крыльцо, плющ, бордовые панели, цветы в кашпо, подвешенные у крыльца – розовые и красные петунии – его дом. Три ступени, белая дверь с металлической ручкой – пальцы словно приросли к ней.

Что, если в городе нет движения, потому что все мертвы?

В доме оказалось сумрачно, плотные шторы были задернуты. Бежевая лестница с резными перилами уходила на второй этаж, вдоль стен тянулись стеллажи с книгами. В воздухе витал аромат свежего кофе. Всё ещё аппетитный и приятный, в котором Николай отчётливо различал новые детали: как пахнет керамика кружки, нотки сахара и добавленного в напиток сгущённого молока. Все чувства стали острее и глубже, запахов – больше. И Николаю это определенно нравилось. Он бы даже мог порадоваться, если бы не тревога.

Станислав плелся следом, прячась в капюшоне и слишком длинных рукавах. Варвара, вышагивая почти по-военному, нагло обогнала его и начала перебирать книги. Из горла Николая, словно против его воли, раздался глухой рык. Ему не нравились гости. Нет, он не имел ничего против них лично – просто совершенно не хотел видеть чужаков дома.

– Не стой столбом, Осинский, – окликнула его Варвара.

– Как там было? – он попытался вспомнить. Что-то про знакомую дверь, потери – это готово. Он уже дома. Куда более знакомая дверь-то? И потери – именно здесь он потерял отца, спокойную жизнь, уверенность в будущем и брата Арсения.

– Тайны скрывает то, что всё знает, – вдруг подал голос Станислав. – Может, реально среди книг?

– Нет у меня никакой книги правил «Игры жизни и смерти», – поморщился Николай. Он тоже подошёл к стеллажам, поддел пальцем потрёпанный томик за корешок, вытащил одну за другой несколько книг. Тяжёлые тома по экономике, анатомии, правоведению, микробиологии, и вирусологии, высшей математике – книги из студенчества Николая чередовались с учебниками, которые оставил здесь Арсений, будучи на своих последних каникулах. Студентом он был не в пример лучше, чем школьником. Даже готовился заранее, перед началом нового курса. Ездил далеко, даже не на Сахалине учился, на материке.

Николаю кажется, будто он вновь видит брата, с кучей исписанных и скомканных листков рядом, выписывающего термины, составляющего таблицы. Глаза Арсения прищурены, время от времени он жуёт колпачок ручки. В книгах – сплошь цветные пометки ручками – жёлтый, зелёный, синий и красный.

А потом он вспоминает убийство, оставшееся висяком в полицейском участке. Смерть в чистом, стерильном месте без преступлений и преступников. Отец с Арсением вышли подышать свежим воздухом в день приезда последнего. Утром обнаружили два тела. Колотые ножевые ранения на теле Арса и ожоги на его руках, складывающиеся в странные символы. Как будто на него напал сумасшедший сектант или сатанист какой. Рваные раны отца, на котором словно поработал бешеный пёс. Местами торчали обглоданные кости. Пустые глаза Арсения, плач Риммы – их младшей сестры. Его собственная ненужная, натужная официальность и сухость. Выжат, не осталось слёз, не осталось страха.

Николай так и застыл с учебником по микробиологии в руке.

Потому что в комнату и зашёл Арсений. Он выглядел не так, как обычно. Арсений предпочитал удобную, а не строгую одежду – кеды, толстовки и джинсы. Тот, кто стоял перед ним, облачился в чёрный костюм, его туфли были начищены до блеска, а галстук идеально завязан. Всегда взъерошенные волосы Арсений аккуратно зачесал.

Сейчас они похожи больше, чем когда-либо.

Из рук Варвары выпал художественный роман страниц на шестьсот. Кажется, несколько произведений Дюма под одной обложкой. Книга гулко ударилась об пол. Её удивление было не слабее его собственного.

– Присмотритесь, да вас просто скамит гейм-мастер, – голос Станислава звучал зло и настороженно.

– Привет, Коля. Почему дома так тихо? – заговорил Арсений, поднимая с пола обе книги и возвращая на полку. Потом он бросил взгляд на Варвару. – Здравствуй, невеста. Нас так давно разлучили. Коля, это моя девушка. Мы в универе познакомились и даже пожениться решили. Ты не расстроен?

– Это не можешь быть ты! Ты выпил, мы ссорились, я утонула из-за тебя! – закричала на него Варвара.

Арсений – напился и утопил девушку? Николай нахмурился, глядя на брата, чувство вины в знакомых глазах. У Арсения были проблемы с поведением, когда он ещё учился в

школе, плохая компания за гранью их поселка, даже побег из дома. Но он же всё это перерос. Изменился.

– Варвара, ты знаешь моего брата? – Николай переводил взгляд с Арсения на Варвару Ледневу. Утопленница сжала кулаки и прикусила губу.

– Да, знаю!... ет, – почти хором воскликнули они оба.

– Да, мы поссорились. Но утопление? Это же глупость. Коля, ты же мне веришь? Я не убийца. Я студент, хирургом буду. Какое утопление. Варя, ты же шутишь? – Арсений нервно замялся. Станимира он начисто игнорировал, лишь кивнув ему. Николай не удивился: его наверняка куда больше интересовала ссора.

– Постой. Ты жив? – недоуменно спросил Николай, взмахом руки пытаясь привлечь их внимание.

Он помнил даже похороны брата с закрытым гробом.

– Конечно, я жив. Как иначе? С чего мне вообще умирать? Как родители уехали с Риммой в санаторий, ты сотрясение мозга получил? Почему это я мёртв? – Арсений выглядел искренне удивлённым.

Слишком искренне. Он не слышал, как бьётся его сердце. Хотя нет, что в этом странного. Разве он может подобное слышать? Всё ведь нормально? Прагматизм Николая с удовольствием штопал логику, прикрывая её огрехи. Варвара – точно никакая не русалка. Просто бывшая Арсения. Станимир – её хороший знакомый, наверное. У него, наверняка, действительно сотрясение. Или что похлеще.

Брат жив. С их семьёй всё в порядке. Ему не нужно работать, как загнанной лошади, искать шансы и бороться.

– Я пельмени сварил, – потупил взгляд Арсений. Его слова подтвердил запах из соседней комнаты – кухни. Николай на мгновение задумался, как Арсений успел сварить пельмени, если сам только что пришел с улицы, а запах кофе был и того раньше. Приготовил перед выходом? Тогда, они, наверное, остыли. – И кофе есть. Конечно, не готовка в нормальном виде. Но поговорить за едой всё же приятнее, да?

Тут в голове всплыло и объяснение слову “утонула”. Тонуть – не обязательно смертельно. Просто Варвара была в воде, но выжила. Может, ей помогли. Спасли. А, может, сама справилась. Вот и вид неопрятный объяснялся. Пятна от травы на платье.

Варвара подчинилась, пошла на кухню первой. Арсений всё же обратил внимание на Станимира.

– А ты, собственно, кто? Конечно, мы ничего не имеем против гостей, но хотелось бы знать, – задался вопросом Арсений.

Станимир скинул капюшон, задрал подбородок и уставился на них в упор сквозь стекла чёрных очков.

– Я думаю, он пришёл с Варварой, – задумчиво протянул Николай. Он пытался ухватить за хвост важную мысль, но кухня выглядела так нормально – тарелки, кастрюля, пар от керамических чашек, скатерть со старым пятном и широкий стол, пастельные обои с почти невидимым, белым узором.

Так нормально, что думать о странностях становилось физически больно.

– Я всегда рад видеть Вариных друзей, – широко улыбнулся Арсений, выкладывая пельмени в широкие тарелки и расставляя приборы. – И я надеюсь, что ты простишь меня, Варя.

– Прости, но Станимир мне не друг. Мы едва знакомы! – Варвара постукивала ногтем по скатерти.

– Тогда, может, ты уйдешь? – Арсений отставил нож и вилку и придвинулся к Станимиру.

– Как? Я зело, зело удивлён. Ты же говорил, что мы френды навсегда. Я, конечно, фрик, но напрасно ты речи лживые ведёшь, – разразился гневной тирадой Станимир. А потом и вовсе сложил сердечко из большого и указательного пальцев.

Николай схватился за голову, когда Арсений вместо того, чтобы возразить, яростно закивал.

– Прости, Стан, но ты слишком странный. Не хотел тебя перед братом признавать, – вздохнул Арсений.

– Ты даже не хочешь рассказать, как мы познакомились? – неожиданно округлил глаза Станисмир, продолжая жестикулировать.

Варвара села за стол, сцепила руки в замок. Она следила за каждым жестом Арсения. То, что она начала есть, ещё больше удивило Николая. Невозмутимость Варвары казалась действительно удивительной. Она накалывала пельмени на вилку, отламывала крошки от куска батона, а жирный бульон капнул на её губы.

– Вы вообще помните, зачем мы здесь? – Станисмир повертел вилку в пальцах.

– Я прошла удачное собеседование на роль певицы в будущей кафешке Николая, и он пригласил меня к себе, – ответила Варвара.

– А игра? – Станисмир повернулся к ней, вновь и вновь кусая пухловатые губы.

– Какая игра? О чём ты? – удивилась Варвара.

– Та, от которой осталось уже около двадцати минут. За них мы должны найти книгу правил, – Станисмир сплюнул эти слова буквально сквозь зубы. И чего он так злится? Николай был почти доволен. Его жизнь, наконец, стала нормальной. Он дома, на кухне, вместе с братом, просто ест. Вкус, конечно, странный. Но, наверное, Арсений переборщил с солью. – А если не найдем, то всё тут сгорит.

– Никаких подобных игр не существует, Стан. Но если ты боишься пожара, то у нас есть сигнализация, а двери не заперты. Начнется горение, успеем убежать, – Арсений говорил весьма рассудительно.

Варвара одним глотком осушила чашку и прищурилась, глядя на Арсения.

– Так это всё правда? Ты – мой жених, а я всё-таки не утонула? Мне можно просто жить, снова вплести две ленты в косу, не быть одной, – мечтательно, как сытая кошка, улыбнулась Варвара. Арсений с некоторой заминкой погладил её по кончикам пальцев.

Николай нахмурился. Это рационально объяснить уже не удавалось. На краешке тарелки лежали мелкие комья земли.

Земля на тарелке. В их идеальной кухне. В поселке, где нет места грязи, где даже трава будто под линейку подстрижена. Скверно пахнущая земля. Она же и придавала странный вкус пельменям.

Варвара побледнела ещё больше, захрипела, царапая ногтями шею.

Станисмир разрезал ножом ближайший пельмень. В фарш были подмешаны травы, Николай узнал и чеснок, и сушёную морковь, и кусочки лука, и горький запах полыни.

Голова закружилась, в воздухе мелькали черные пятна. Ощущения твердили ему, что он падает в бездну с огромной высоты. Но Николай видел, что по-прежнему сидит на стуле.

– Я желаю, чтобы сюда пришёл настоящий Арсений, – как ни в чём не бывало заявил Станисмир.

– О чём ты? – с трудом произнёс Николай. Говорить – почему-то тяжело. – Арсений, мой брат, уже здесь.

Станисмир снова разрезал, а Арсений оказался слишком медленным, чтобы ему помешать. Только на этот раз он резал собственное запястье. Нож, хотя и был всего лишь кухонным, легко пустил кровь. Рубиновые капли дождём застучали по полу и столу. Металлический запах ударил в ноздри Николая, и он почувствовал, как зубы удлиняются и утыкаются в губы. Голова кружилась всё быстрее, но теперь его ещё и гипнотизировал вид чужой крови. Странный голод вгрызся в желудок. Арсений попытался вырвать нож из рук Станисмира, но тот, несмотря на всю его щуплость, без особых проблем вывернулся из чужой хватки.

– Ты всё ещё не помнишь, зачем мы здесь? – с вызовом спросил Станимир. В его речи даже не мешались жаргонизмы с архаизмами. Он сунул руку под нос Николая.

– Не старайся, фрик, – расслабленно усмехнулся Арсений. – В еде упыря была могильная земля, освещённая молитвой. Русалке я добавил полыни. Это их не убьёт, а задержит. Там даже снотворное, на всякий случай. И время как раз истечёт. Притворяться надоело, понимаешь, – Арсений кивнул на часы, быстро отбивающие ритм. Потом схватил Николая за подбородок, резко отодвинул руку Станимира и помахал своей перед лицом старшего Осинского.

– Скажи, что выходишь из игры, тогда всё закончится. И больно больше не будет, – почти сочувственно проговорил Арсений. Его голос звучал непривычно высоко. Почти по-женски.

Николай успел удивиться тому, какие тонкие пальцы у брата. И ногти – слишком длинные. На них на долю мгновения мелькнули стразы.

Варвара упала, уронив тарелки и чашки, стянув за собой скатерть. Кофе на чистом полу, тугая боль внутри, грязные пятна – Николай всё ещё словно проваливался в воронку небытия. Станимир бледнел, на его странной коже с пятнами витилиго расцветали новые пятна – красные, бурые. Кровавые. Под его глазами – темные круги, бледность кожи меняется пугающим мраморным цветом, когда Станимир расширяет порез.

– Ты не Арсений. Кто ты такой? Что происходит? Что с моей памятью? Какая ещё игра? – пока мир рушился, Николая могло утешить лишь одно: чёткое понимание ситуации. Из последних сил он впился в воротник пиджака Арсения. Руки безвольно повисли вдоль тела с новым вдохом. Арсений поднял с пола окровавленный нож, вонзая его в шею Станимира у ключиц без особых сомнений – слишком быстрый удар. Боль дернулась внутри Николая, парализуя, не давая пошевелиться. Секундная стрелка неумолимо отсчитывала время.

«Не забывайте об игре» – лужа крови Станимира на полу собралась в мигающую тусклым светом надпись.

Станимир падал медленно, как в замедленной съемке, а потом Арсений спокойно, уверенно отвернулся. Он уже не ждал подвоха.

Свежий воздух принёс поток ветра. Что-то влажное, тёплое, вкусно пахнущее уткнулось в губы Николая. И сознание соскользнуло в небытие, уступая место простейшему инстинкту.

Когда он оторвался от запястья Станимира, в голове начало проясняться. Они встретились взглядом. Немой вопрос – «можно?» и уверенный кивок в ответ. Второй раз Николай укусил уже вполне сознательно, полностью осознанно протыкая кожу клыками и глотая горячую кровь. Губы пачкались, боль утихала, а мир возвращал очертания от каждого глотка, от ненормального чувства сытости. Станимир ободряюще улыбнулся, опуская голову на пол.

Когда Николай поднялся на ноги, в кухне дрались двое Арсениев. Второй, вбежавший в дверь, выглядел куда более привычно и потрёпанно. Черная кровь на его плече и ладони, чужая – он теперь ощущал это по запаху – красная, на лице и шее, порванная рубашка, у которой не хватало одного рукава, грязная толстовка и взъерошенные волосы. Не-Арсений драться, кажется, не умел вовсе, неуклюже уворачиваясь и ускользая. Избежав хватки Арсения, их враг рванул прочь из комнаты. Николай схватил его за плечи и попытался вцепиться в шею. Клыки мазнули по коже, не протыкая, а проходя насквозь. Как будто он пытался выпить крови призрака.

Воспользовавшись его заминкой, не-Арсений снял со стены кухонные часы, раскручивая их и переводя стрелки.

Запахло дымом.

Кровь сложилась в новое сообщение: **«У вас одна минута сорок пять секунд».**

– Арс... – попытался спросить хоть что-то Николай, но тот махнул рукой.

– Я его задержу, беги и выиграй, – крикнул этот новый Арсений.

Николай понимал – времени действительно мало. Наверх он бросился бегом, перескакивая через ступеньку. Он всё поставил на одну мысль.

Тайну скрывает то, что всё знает.

Книга правил хранится в месте, знающем абсолютно всё.

Николай вбежал в свою комнату, пронесся мимо зеркала и едва не запнулся о порог. Щелчок по кнопке включения ноутбука. Приветствие на экране: «добро пожаловать». Облачное хранилище открылось быстро, и в нём, ожидаемо, находилась папка, которую он никогда не создавал.

«Игра жизни и смерти. Книга правил.pdf».

Когда Николай открыл файл, на экране растянулся титульный лист, где его снова поздравляли – только с прохождением его первого задания игры. Дальше шёл документ на тридцать страниц.

С первого этажа раздался удивлённый возглас Арсения. Да, после такого он уже был уверен, что это его младший братец-придурок.

– У тебя грудь! – воскликнул Арсений.

– А у тебя нет мозгов, извращенец, – ответила ему незнакомый женский голос. – Слезь с меня.

– Но ты же выглядела, как я! Как такое возможно? – растерянно откликнулся Арсений.

Николай свернул файл, бросаясь вниз. Чужая кровь спеклась на губах.

Арсений сжимал коленями бедра девушки в одежде не-Арсения и с яркими, цветными волосами. В глаза бросались бирюзовый и алый цвета прядок.

– Это было моё задание, debil. Я не могла иначе. Если бы отказалась, сгорела. Если бы вы проиграли – тоже! Я призрак, внешность не важна. Информацию подкинула сама игра. Хватит меня лапать, – кричала девушка.

Арсений заторможенно поднялся, а потом вскочил на ноги, поворачиваясь к Николаю.

– Ты умер, да? И что теперь с нашей семьёй? А меня убили, а в морге было так холодно, не представляешь, – растерянно бормотал Арсений. – Я сбежал. Я его съел, просто кошмар, не знаю, как смог его выследить, почему ничего не мог сделать с этим желанием. Просто шёл по следу того, кто меня грохнул. Глупо, да? И Пончик, он остался один. Он увязался за мной, на квартиру. Я крал, убивал – мне дико стыдно. Но убил только раз. Потом я выпал из окна, а он остался в другой реальности. В нашей, нормальной реальности. А ты как? Что случилось?

Арсений тараторил, тараторил и тараторил. Быстро и сбивчиво говорил. У Николая снова заболела голова.

– Я подвозил её, а потом на нас напал скелет саблезубого тигра, – Николай кивнул на Варвару. Девушка всё ещё лежала без сознания. – Ты не пытался связаться с нами после того, как понял, что почти жив?

Николай придал голосу привычного льда и сухости. Перед ним всё тот же младший брат, который всегда найдет неприятности себе на голову, только теперь они могут скалить клыки друг на друга более буквально. Арсений привычно потупил взгляд, виновато разглядывая грязные кроссовки.

– Вы меня не узнали! – отчаянно и обвинительно произнёс Арсений, взмахивая руками. – Я пытался поговорить с тобой!

– Мне жаль, – слегка склонил голову Николай. – Теперь мы одинаковые. Иронично, да? Ты весь в крови. Мы дома, ты должен привести себя в порядок, а я попытаюсь понять, что происходит.

– Конечно, Ник, – легко кивнул Арсений.

– На себя бы посмотрел, красавчик, – неожиданно агрессивно оскалилась цветная девчонка. Николай прищурился и перевел взгляд на неё. Он облизнулся и стёр следы крови тыльной стороной руки. У девчонки оказались раскосые черные глаза азиатки и пышная фигура с тонкой талией.

– К тебе у меня тоже есть вопросы, – уже ничуть не смущаясь, он подошёл ближе. Она попыталась отступить, но Николай схватил её за запястье. Вот почему у не-Арсения не билось сердце. Пульса у неё тоже не оказалось. – Как ты сюда попала? Откуда получила информацию о нас и что знаешь о гейм-мастере?

Эта девчонка отплясывала на его боли, словно чужие чувства – пустой пшик. Она манипулировала его желанием увидеть брата живым, отравила его и пыталась саботировать задание.

Сражалась за выживание?

Ей плевать на него, а ему – на неё.

К девчонке нужно быть добрее? Да она сама сказала, что призрак. А призраку не нужно доброты. Призраки чаще всего хотели уйти на свет, или как там? Так он ей обеспечит, как только шанс представится. Дорогу на свет и забвение.

– Меня зовут Лим Ён Хи, и я, – наконец, заговорила девушка. А потом свет в лампе внезапно сменился на красный. И снова стал нормальным. Мигание сопровождалось странным гулом.

«Для прочтения книги правил на локации должны быть все игроки. Для сбора всех игроков есть пятнадцать минут. Повторяю. Для прочтения книги правил на локации должны быть все игроки», – раздался механический голос гейм-мастера.

Станисмир пришёл в себя куда быстрее Варвары, поднялся на ноги и опёрся ладонями об пол. Со странным скрипом затянулся укус на его руке, Николай обратил внимание на рваные раны от его зубов и на шее Станисмира, и на оголенном плече – видимо, он сдвинул толстовку. Но ещё за несколько секунд на нём не осталось ни следа от повреждений.

На его руке – лошадь, у Варвары – крыса, у Станисмира – обезьяна, у Арсения – силуэт быка. Николай развернул запястье Ён Хи внутренней стороной вверх и уставился на татуировку свиньи. Здесь их пятеро. Игроков двенадцать. Оставшиеся семь должны прийти за пятнадцать минут.

Станисмир обхватил лицо Варвары, выдыхая её в губы облачко синего пара, от которого она шевельнулась, а лицо приобрело более естественный цвет. Оторвавшись от неё, Станисмир расфокусированным взглядом посмотрел на дверь:

– Я желаю, чтобы все игроки собрались здесь.

Николай поклялся себе больше ничему не удивляться, когда слова Станисмира послушно начали сбываться. По ступенькам крыльца вбежал патлатый парень лет двадцати в старой одежде Арсения и его поношенных кроссовках и как ни в чём не бывало спросил:

– Где у вас ванная комната?

Глава 11

Рука помощи

Сон Су Джин

Вода стекала по лицу, брендовый пиджак можно было выжимать, а пальцы свело от хватки на предплечье господина Кана.

Их вылило на улицу, где произошла странная бойня. Трупы в старинной, странной одежде, металлический блеск кольчуг. Среди тел, у некоторых из которых даже не было голов, выделялась одна фигура.

Парень, стоящий на коленях. Длинные, до плеч, волосы были острижены неровно, словно он резал их в острой спешке. Парень нервно подрагивал. Он вообще выглядел не менее странно, чем трупы вокруг него. Кровь на лице, слипшиеся патлы, грязные кеды и одежда явно не по размеру. Господина Кана Су Джин пристроила, оперев на стену дома. Су Хо остался позади неё.

Су Джин видела, как он дышит. Незнакомец словно потерял опору в жизни – сама она нередко чувствовала себя именно так. Но у неё был её брат Су Хо. Раньше – ещё и господин

Кан Чжин Ён, её психотерапевт. У этого парня, видимо, вообще никого, раз он стоял тут на коленях в полном одиночестве.

А ещё он мог знать что-то важное. От явно знающего достаточно много господина Кана она вряд ли услышит хоть слово в ближайшее время – он не приходил в себя.

Парень на коленях пытался содрать кровь с лица вместе с кожей. Сердце Су Джин пропустило удар. Она вспомнила себя в музее, режущую руки, лишь бы вернуть контроль.

Рядом – вывеска продуктового. Су Джин, повинувшись внезапному порыву, вбежала внутрь. Там – никого, но все вещи на месте. Су Джин открыла холодильник с напитками и взяла полуторалитровую бутылку минеральной воды. Платок она вытащила из кармана пиджака и щедро смочила его водой.

– Он – единственный выживший? Или тот, кто всё это сделал? – неуверенно предположил Су Хо. Су Джин понимала, к чему он ведёт. Насколько безопасно приводить этого типа в себя? Но у неё до сих пор с собой пистолет. Как-нибудь справится с полубессознательным типом.

– Узнаем это позже, – отрезала она. Пока она “одалживала” воду в магазине, парень упал и теперь дышал тяжело, с громким присвистом. Су Джин начала стирать кровь с его щек. Несколько движений по коже, затем выжимает платок и проводит вновь. Су Джин протёрла лоб и щеки, стёрла пятна крови с шеи и ладоней. Он не шевелился и не сопротивлялся. Су Джин хмыкнула, смочила пальцы и брызнула ему на лицо, а затем пролила немного на волосы парня, очищая и их от крови. Её пальцы случайно соприкоснулись с его щекой – странный парень бился током, словно оголенный провод. Кожа была такой теплой, что Су Джин не удержалась – приложила обе ладони к его щекам, грея продрогшие от постоянного купания руки. Губы парня дернулись в неожиданной улыбке.

Глаза его распахнулись так же быстро, как сфокусировался взгляд. Он выхватил бутылку из рук Су Джин и принялся жадно пить.

Су Джин с удивлением обнаружила, что слышит, как выравнивается его сердцебиение.

Он приподнялся, опёрся ладонью на землю. Су Джин снова удивилась – на нём не обнаружилось ни одной раны, ни одной царапины. Кроме, вероятно, той, что была перевязана куском рукава от клетчатой голубой рубашки на его бедре.

– Мы знакомы? – надреснутым голосом, как ни в чем не бывало, спросил он, вернув опустевшую бутылку. Каштановые линии растрёпанных волос повисли вдоль его лица.

– Полагаю, нет, – Су Джин нахмурилась.

Слишком странный тип. Ещё его глаза – Су Джин поражали его глаза не меньше, чем этот мир, где музей загорается, а через фонтан можно попасть на другую улицу. Незнакомец прищурился. Гетерохромия, это во-первых. Будто смотрят сразу двое человек – Су Джин это напрягало. Один глаз с алой радужкой, второй – с жёлтой. Парень легко поднялся на ноги, но болезненно поморщился. Первые несколько шагов он хромал, но четкость ходьбы вернулась к нему поразительно быстро.

Су Хо встал впереди неё.

– Не могли бы вы представиться и объясниться, господин? – вежливо, но настороженно начал Су Хо. Су Джин поджала губы: некоторые вещи не меняются. Сквозь брата она видела улицу, его очертания выглядели смазанными и нечёткими, как дымка от костра, но он всё также делал вид, что от его мнения зависит многое, что он *может* защитить её.

Незнакомец бросил на Су Хо растерянный взгляд.

– Господин Пак? – почему-то спросил он у Су Хо. Он положил руку на плечо Су Хо, невообразимым образом сумев коснуться призрака, и отодвинул его в сторону. Теперь он вновь смотрел на Су Джин. Слишком пристально, слишком жадно. Су Джин стало немного неуютно, словно её взвешивали и оценивали. Незнакомец изящно качнул головой, полностью приходя в себя. – Наверное, всё же, нет. А ты не Сок Хе Джин? Ты – иная. Но всё же, поразительное сходство.

– Ты понимаешь, что здесь происходит? – перешла к делу Су Джин.

Парень опустил формальности, но спорить не хотелось. Значит, и она просто позволит себе тоже самое.

– Некий псих создал себе песочницу для игр. А мы – его куклы, вынужденные играть, если не хотим сгореть или умереть иначе, – откликнулся парень. – Меня зовут Баюн, госпожа, господин.

Он полушутливо поклонился и ей, и Су Хо. Он видел призрака, разговаривал с призраком и ничуть не смущался его состоянием.

Бай... Бай Юн? На китайца парень похож не был, но имя перекатывалось в мыслях с трудом, как будто было абсолютно чужеродным.

И он определенно понял, что именно происходит. Но это – критически мало.

– Верите или нет, но в давным-давно я знал тех, кто выглядел в точности, как вы, – Бай Юн размял пальцы, с новым любопытством разглядывая их. – Госпожа, можно ли взглянуть на вашу руку?

– Тебя интересует татуировка? У меня есть. Тигр, – Су Джин не стала протягивать руки. Бай Юн кивнули продемонстрировал собственную – татуировку в виде кролика. Затем он прищурился. Порыв ветра мазнул её по щеке. Настолько мимолётным оказалось его движение. В следующую секунду он сидел рядом с Кан Чжин Ёном, примеривался когтями к его сердцу.

Глава 12

Союз пса и змеи

Пак Джи У

Сентябрьское солнце пригревало затылок. Пак Джи У шёл по улице – обычные дома, глаза окон да снующие люди. Дышалось спокойно. Джи У ждал Ра Он, лениво смотрел по сторонам.

Ра Он уже больше века была его единственной семьёй, и её слово не ставилось под сомнение. Тем более что сейчас они заняты максимально рядовым делом. Отыскать сон гакси¹³, которая кучу проблем принесла ещё в Корею и транспортировать её к мосту через реку Сандзю. В следующей жизни, после всех судов того света, может ей повезёт больше. Может, она не станет чинить вреда людям. Жалел ли Пак Джи У Лим Ён Хи, за которой охотился? Разумеется, нет. Он всего лишь служит естественному порядку вещей.

Лим Ён Хи могла быть где угодно, раз уж, испугавшись севших ей на хвост Джи У и Ра Он, сбежала из страны. Она умела менять внешность, поэтому Джи У не слишком доверял своим глазам. Однако, заметив между толпы местных невысокую кореянку, он последовал за ней. Девушка выглядела напуганной, постоянно оглядывалась и спешила. Взгляд Джи У цеплялся за черные прямые волосы, светлый свитер с высоким горлом и клетчатую юбку.

Девушка выскочила на дорогу, почти не глядя по сторонам. Несколько машин засигналили, библиканье ударило по чутким ушам, раздалась ругань. Выбор слов казался Джи У неприемлемым.

Джи У схватил её за запястье, резким рывком притянул к себе и оттащил от новой машины, висящей так, будто водитель вылакал целую реку пойла. Девушка на мгновение подняла взгляд на него и кивнула. Благодарно? Испуганно? Пак Джи У не мог разобрать. Её сердце колотилось в ровном темпе, он прекрасно слышал мерный звук.

От зебры, потускневшей после последнего обновления, Джи У отвёл девушку, по-прежнему прижимая к себе. У тротуара рядом с магазином электроники Джи У разжал руки.

У Лим Ён Хи не билось сердце – призраки не в состоянии инсценировать подобные биологические процессы. Кем была девушка, Пак Джи У не знал, но её сердцебиение доказывало: она жива.

¹³ Сон гакси – призрак невинной девушки

Девушка опустила голову и пошла прочь. Пряди её волос упали на лицо, скрывая черты и эмоции.

Что-то было не так. Пак Джи У слышал собственное дыхание, слышал как раздаются шаги девушки. Четко, в определенном ритме.

Тревога опустилась на плечи и ошейником сжала горло. Пак Джи У оглянулся и втянул запахи резины и металла.

Он не слышал ругани.

Не слышал больше визга колёс.

Словно объятия с незнакомкой посреди машинного перехода, короткий взгляд в жёлтые глаза, её тепло в его руках – этот простой жест стёр реальность и выбросил из неё лишних людей.

Пак Джи У моргнул и потянул на себя дверь ближайшего магазина, где под стеклом расположились разные модели смартфонов и коробки с объемными наушниками. За кассой – никого. Солнечные лучи высвечивали неприкаянную пустоту, как должное. Пак Джи У рванул в супермаркет, промчался по рядам, мимо касс и полок с продуктами. Свежая сдоба приятно пахла, вился слабый аромат чеснока от булочек. Фрукты лежали в ящиках.

Но не было ни одного человека.

На улице всё ещё слышались шаги загадочной девушки. Догнать её не составило труда. Пак Джи У положил руку ей на плечо, привлекая внимание. Девушка развернулась. Под прядями черных волос виднелись точки белых беспроводных наушников.

Видимо, поэтому она не слышала ни его, ни машин.

– Госпожа, – обратился к ней Джи У. – Вы не заметили ничего необычного?

Пак Джи У сощурил глаза, не отпуская плеча девушки. Она не дернулась и ничего не ответила, только коротко мотнула головой. Волосы перестали загораживать лицо, и взгляд Пак Джи У вновь сфокусировался на желтизне её радужке. Он убрал руку, обескураженный её слишком внимательным взглядом. Незнакомка была более низкой и намного более хрупкой, чем он. Ростом она достигала только до его груди, но смотрела на него свысока.

– Точно ничего? – на всякий случай немного глупо переспросил Пак Джи У. Девушка подняла руку и вытащила наушник. Пак Джи У услышал мелодичную молодежную музыку. Что-то про любовь, верность и ветер.

– Просто безлюдная улица, – пожала плечами девушка.

Когда заорала сирена, она всё так же спокойно шла по улице. В месте, где дорога делала поворот, она лишь немного ускорила шаг. Пак Джи У последовал за ней, как за единственным существом в мире.

Сирена не умолкала пока они не поравнялись с высоким – наверное этажей шесть или восемь – золотисто-бежевым зданием, обрамленным черными коваными воротами. На парковке у здания оказалось полно машин. Воздух позади них электризовался и странно задрожал. Джи У наклонился, подняв с земли мелкий камешек, и бросил его в новую, странную завесу. Камешек сгорел мгновенно, обратившись пылью.

– **Поздравляю вас с началом нашей игры!** – Пак Джи У не видел динамиков, но голос прорывался сквозь сирену. – **Ознакомьтесь с вашими татуировками на запястьях, это – ваши роли в ней.**

Пак Джи У послушно оглядел руку. На внутренней стороне запястья скалила пасть лохматая собака, изображённая черной краской. Только силуэт. Цветным, жёлтым пятном, выделялся ошейник. Пак Джи У усмехнулся. Очень иронично и правдиво. Он пульгэ¹⁴ и сапсари¹⁵.

¹⁴ Пульгэ – демонический огненный пёс

¹⁵ Сапсари – порода собак, которой придавалось мистическое значение и способность охотиться на призраков и злых духов

Первый год своей жизни Джи У провёл в образе бродячего пса, питаясь объедками и промокая под дождём и снегом. Не слишком приятное время, но Ра Он спасла его от той жизни.

Джи У не желал вспоминать. Но верное напоминание об этом неизвестный хозяин игры нанёс ему на кожу.

– Буяо банг во¹⁶, – немного раздражённо прошипела девушка, вглядываясь в синеющие небеса. Пак Джи У непонимающе поморщился. Язык звучал знакомо, а слова – нет. Небеса громыхнули короткой молнией.

Пак Джи У передёрнул плечами. Казалось, девушка обращается не к нему, а к самому миру. К небу, наверное. Её запястье обвивала татуировка зелёной змейки с тонким узором чешуек.

Пёс и змея. Они находились перед зданием суда – Джи У наконец, разглядел табличку. Суд Южно-Сахалинска. Как он вообще здесь очутился? Совсем недавно стоял на улице в другом городе, несколько десятков километров просто растворились. От супермаркета в Холмске до суда в Южно-Сахалинске – минут пять быстрой ходьбы? Абсурд и бред.

– **Задание для змеи простое: найти отличия!** – преувеличенным, бодрым тоном заявил гейм-мастер из по-прежнему невидимых динамиков. – **Из троих – преступник один. Выберешь верно – союзник твой останется невредим. Суди за деяния, преступнику найди наказание.**

Девушка закусила губу и посмотрела на Джи У с плохо скрываемой тревогой. Почти как на помеху.

Пак Джи У удивлённо моргнул, когда увидел, как из-за дерева выскальзывает парень. Такой же не местный, как они двое, в красноватой спортивке. Он бежал, упал на колени и побежал снова. Девушка с татуировкой змеи сощурилась и дернулась. Пак Джи У равнодушно отметил кровь на руках парня. Либо обещанный преступник, либо жертва.

– Рю Джун Гиль? – удивлённо уточнила девушка. Потом повторила громче. Где-то вдалеке послышались выстрелы, и Пак Джи У механически ступил вперёд, плечом прикрывая девушку. Рю Джун Гиль пытался перемахнуть через ограду перед зданием суда.

Джи У заметил взгляд девушки, зовущей его. Догнав незадачливого беглеца одним прыжком, он заломил ему руки привычным, даже будничным жестом. Не потому что боялся его или был уверен в совершении преступления. Просто так проще поговорить. Или помочь. Рю дёргался, а его дыхание неприятно щекотало воздух. Слишком быстрое и слишком горячее.

Девушка на Рю отреагировала более чем бурно, осторожно схватила его за плечи, даже не обращая внимания на Джи У.

– На Ра! На Ра! – хрипло откликнулся Рю. Джи У осклабился. Вот и узнал её имя.

В здании суда – множество окон. Громкий звук, похожий на хлопок, резанул по ушам. Выстрел попал в окно, но стекло даже не разрушилось полностью. Привлекают внимание и показывают, что не безоружны.

– Мы ничего не имеем против вас, нужен только мальчишка! – голос стрелка.

– Может, нам он тоже пригодится, – сплюнул Джи У, рывком оттаскивая Рю от На Ры.

– Я её не убивал, На Ра, ты мне веришь?? – растерянно почти кричал Рю. Джи У окинул его взглядом. Действительно, мальчишка. Наверное, не больше года назад школу закончил. И пах он совершенно по-человечески. Пот, кровь, страх. На Ра вновь удивила его, слегка мотнув головой почти равнодушным жестом.

– Нет, – обронила На Ра. – Ты же помнишь, я верю только в доказательства. Кто эти люди и что ты им сделал? Как ты вообще сюда попал?

Пак Джи У отпустил запястья Рю и перехватил его за капюшон куртки. Второй рукой аккуратно ухватил На Ру за руку. Стоять посреди улицы и подставляться он им не позволит.

¹⁶ Не помогай мне – с китайского языка

На Ра не сопротивлялась, в отличие от мальчишки. Кроме обычных, человеческих запахов, от него пахло чем-то ещё. Зрачки расширены, хотя солнце по-прежнему светит ярко. Руки Рю тряслись. Попытавшись вывернуться, он неожиданно впился тупыми человеческими зубами в руку Джи У, чуть повыше запястья. Кровь почти не выступила, но он на всякий случай вновь скрутил ему руки за спиной и уронил на колени.

Псих или просто стресс? Всё-таки обещанный преступник? Сможет ли На Ра вынести наказание для друга?

– Отпустите! Отпустите! Я ничего не делал. Я должен сбежать, – сорвался на крик Рю. Бежать или пуля всё равно догонит? Явно псих привлек достаточно внимания. Зажимать ему рот не было никакого желания.

– Джун Гиль! – с укоризной воскликнула На Ра.

– Они убьют меня. Я её не тронул, правда. Выстрелят транквилизатором. Опять запрут в том подвале, На Ра! – болезненная, ненормальная улыбка осветила его лицо – судя по тону. Джи У же стоял сзади. Короткий смешок Рю подтвердил его мысли.

– Госпожа...?

– Госпожа Юн. Юн На Ра, – представилась девушка.

– Госпожа Юн, пожалуйста, вытащите одну полезную штуку из моего кармана. Боюсь, господин Рю может навредить нам или себе, – спокойным тоном попросил Джи У. На Ра не выказала удивления, подцепляя пальцами серебристые браслеты наручников. Рю дернулся, повернул голову – на его лице мелькнула паника, но сильно сопротивляться не стал.

На Ра защелкнула один браслет на руке Рю, а Джи У успел извернуться и пристегнуть мальчишку к своей руке. Теперь не сбежит хотя бы.

Джи У почти расслабился, потому что уже некоторое время не чувл запаха стрелков.

В этом странном месте всё казалось непрочным, напоминало дрожащее изображение.

Алый туман окутал пространство перед зданием суда, силуэты деревьев и фасад автомойки. И он нёс в себе запах, который часто сопровождал старого знакомого Джи У. Запах простых красных цветов, похожих на паучьи лапки. Запах ликорисов и Кан Чжин Ёна.

Кан Чжин Ён – единственный выбор Пак Ра Он, который Джи У не одобрял. Выбирать друзей нужно с умом.

Кан Чжин Ён больше всего похож на мечту профессионального профайлера. Его можно изучать долго, но так и не найти причины преступления.

В последний момент перед тем, как туман горьким дымом пробрался в ноздри, Джи У почувствовал как наручник болезненно врезается в запястье

Полумрак чьего-то сарая. Края комнаты тонули в тусклом свете. Запястье – в наручнике, на поясе – грубые веревки, под ним – стул. Руку натянуло.

Старший здесь – мужчина, как ни странно, тоже корейской наружности, сильно в возрасте. Несколько человек, лет тридцати, но уже русских, держали ружья. Тусклое помещение, склад или сарай. В воздухе – резковатый запах бензина, из баков в углу. Юн На Ра обнаружилась на соседнем стуле, также связанная.

– Я же просил не вмешиваться. Мы бы по-быстрому разобрались с мальчишкой, и всё, – почти дружелюбно развел руками старший.

– Чем он вам не угодил? – с расслабленным любопытством уточнил Пак Джи У. Ружья – тяжёлые, замедляют движение. Ветки порвать – легко. Из наручника он вывернется без проблемы. Юн На Ра прикрыла глаза. Вопросом он заслужил выстрел в стену над его головой. Показнушки.

– Этот сосунок – убийца, прикончивший мою дочь, – рявкнул старший. – Сидел над её телом, с ножом и наручниками вроде этих. Руки в крови, всё очевидно, не так ли?

– Я этого не делал! – закричал Рю в ответ. – Это один из ваших ублюдков – предатель!

Рю махнул головой в сторону светловолосого мужчины в белой толстовке с капюшоном.

– Я пытался спасти её! А ваш псих вколол мне какую-то дрянь, чтобы не... чтобы я не мешал от тела избавляться, – попытался оправдываться Рю. На Ра равнодушно мазнула взглядом по обоим. Сейчас она действительно напоминала змею.

– Ты говоришь правду? – спросила На Ра.

– Естественно, он лжёт. Господин, я не стал бы тратить товар не поймёшь на кого и никогда бы не тронул вашу дочь, – огрызнулся блондин. – Контрабандная фармацевтика на дороге не валяется, без бабок я бы с ней не расстался.

Двое подозреваемых есть. Виновного – пока нет. Чем попытаться выбраться, проще понять, что и как нужно сделать. Блондин не выглядел испуганным или разозленным. Только раздраженным. Единственный жест негодования, который он себе позволил – взвесить в руках ружье немного угрожающим жестом.

Пак Джи У переглянулся с На Рой. Девушка кивнула ему, словно давая разрешение на опрометчивые действия.

Пак Джи У действительно собирался действовать импульсивно, чтобы изменить расстановку сил. Он на секунду посмотрел на татуировку и ободряюще кивнул На Ре. Частичная трансформация заняла меньше секунды, и Джи У высвободил тонкую, по сравнению с человеческой рукой, собачью лапу из браслета наручников. Когда те повисли на запястье Рю, Джи У обратился полностью в пса с черной лохматой шерстью, одним прыжком сбивая шефа этой странной компании с кресла и вдавливая его в пол.

– Шеф! – испуганно воскликнула рыженькая, крупная девчонка с пистолетом.

Джи У зарычал.

– Да уберите вы ружья, – огрызнулся шеф. Блондин всё-таки выстрелил, но Джи У успел обратиться обратно в человека, сжать шефа за шею и перекатиться в сторону от выстрела, пробившего сиденье перевернутого кресла.

– Теперь можно и говорить, – выдохнул Джи У. – Во-первых, мы хотим найти убийцу не меньше вас. Во-вторых, нет никакой причины для стрельбы.

– Отпустите девчонку, а сосунку свяжите руки, – шеф склонил голову, словно принимая точку зрения Джи У. Черные очки на его лице в полумраке помещения смотрелись странно. Ближайший к Юн На Ре стрелок разрезал веревки и пихнул её к Джи У. На Ра легко устояла на ногах.

Здесь у Джи У доверия не вызывал никто. Товар? Контрабанда, незаконное ношение огнестрельного оружия, возможно – умышленное убийство, создание преступной группировки с целью получения выгоды – Джи У никогда не судил живых, только призраков. Но тут и судить нечего, только перебирать прегрешения. Будь он судьей, преступниками назначил бы всех. На Ра, разумеется, ни при чём. А вот насколько вляпался в это дерьмо Рю Джун Гиль, только предстоит узнать.

Но с проблемами – по очереди.

На Ра уверенно подошла к шефу – громко цокали шпильки на её лодочках. На Ра чуть наклонила голову и подняла руку, демонстрируя запястье шефу. Тот хохотнул, когда заметил зелёную татуировку змеи.

– Тот, кто не хочет столкнуться с гневом Дракона, не причинит вреда Змее, – улыбнулась На Ра. Шеф замахал рукой.

– Что ж вы сразу не представились, госпожа? – засуетился он. – А вы, олухи. Живо оружие убрали! Вы тревожить гостей.

Пак Джи У сглотнул, сдерживая смех. Кажется, он поторопился с выводами. Юн На Ра определенно, определенно, не так проста.

– Вы тревожите меня уже тем, что связали моего школьного друга, господин, – изогнула губы в равнодушной улыбке Юн На Ра.

– Вы считаете, я должен спустить ему с рук подобное? – шеф всё ещё выглядел спокойно, как дремлющий в воде аллигатор. Джи У ощущал его сердцебиение под ладонью. Ускоренное, взволнованное. Не сочетающееся с ровным тоном усталого голоса.

– А вы уверены, что знаете правду? Я сама рассужу данный весьма болезненный инцидент, – Юн На Ра слегка склонила голову и осмотрелась – Считайте это жестом доброй воли от самого Дракона. Вы говорили, что знаете, как Рю убил вашу дочь. Мне нужны детали.

Пак Джи У бы похлопал ей, если бы подобное не привлекло слишком много ненужного внимания. Шефа он отпустил, они кивнули друг другу.

Пак Джи У поморщился: чужой, пристальный взгляд, щекотал лицо и затылок – по очереди. Рыжая девушка прохаживалась взад-вперёд, уверенным, привычным жестом крутила в руке пистолет. Страх и волнение сползли с её лица, как маска и возникли вновь, стоило им пересечься взглядами. Яркая помада очерчивала губы, чёрная подводка делала глаза выразительнее, а на щеках рыжей красовалась россыпь веснушек. Она не выглядела трусихой, но очень неплохо притворялась. Опускала взгляд, горбилась и вздыхала.

Шеф сунул руку в ящик стола и вытащил прозрачный файл.

– Лиса хакнула камеры со стены ближайшего магазина и вот какие занимательные кадры вытащила, – шеф кивнул на рыжую девушку. На Ра одобрительно кивнула, подходя ближе. Фотографии веером расположились на столе.

Пак Джи У шагнул к столу. На первой же фотографии – симпатичная девушка, лежащая на траве, под светом фонаря. Судя по свету, время весьма не ранее. В сентябре темнеет поздно. Пятна крови на бордовой кофточке бросаются в глаза не сразу. Девушка сжимает одну руку в кулак, будто боится что у неё отберут нечто ценное. Возраст – от двадцати пяти до тридцати, точнее сказать нельзя. Рю попал в кадр хорошо. Вторая фотография концентрировалась на его лице, синяке под глазом и крови на руках.

– Синяк откуда? Девушка такой вряд ли оставит, – тут же сощурила глаза Юн На Ра. Блондин осклабился.

– Я его украсил. За Мышку. Только жаль, пришёл слишком поздно, – волнение всё ещё не отразилось на его лице. Лиса тут же прильнула к блондину, оставила поцелуй на его щеке и заслужила пренебрежительный взгляд шефа. Немолодой мужчина рефлекторно сжал руку на рукоятки ножа, прикреплённого к поясу.

– Как вы связаны? – ровным тоном уточнила Юн На Ра.

– Какое это имеет отношение к делу? – нахмурился блондин. Лиса мотнула головой и опустила глаза.

– Любовники, – пояснила девушка.

– Господин, кем вам приходится Лиса? – улыбаясь одними губами, уточнила На Ра. Она всё также выглядела сосредоточенно. Рю молчал, доверчиво глядя на неё. Школьные друзья, любовники, родственники. Слишком много личного.

– Почему это важно? – без злобы поинтересовался шеф.

– Потому что Рю Джун Гиль совершенно точно не убивал вашу дочь. Если бы она умерла от его рук, вернее, от нанесённых им ножевых ранений, кровь бы попала на лицо, шею. Брызги, понимаете? Более того, её кофточка разрезана несколько раз, однако кровь скопилась только в одном месте. Порез на предплечье видите? Кровотечения не произошло, а ширина разреза впечатляющая. То есть раны нанесены после клинической смерти. Кто-то имитировал смерть от ножа, но недостаточно внимательно. Нож, вероятно вы и нашли у Джун Гиля? Я спрошу ещё. Какие у вас отношения со строптивым беловолосым господином?

Поиск отличий. Главное отличие Рю от страстной парочки – отсутствие личной заинтересованности. Вряд ли он хорошо знал девушку, с которой недавно встретился впервые. По словам самого Рю, они даже познакомиться не успели.

Шеф поморщился, как от головной боли. На следующий кадр попала часть фигуры блондина. Он не скрывался, но его нахождение там теперь вводило его под подозрение.

– Большинство намеренных преступлений в мире делается всего по двум причинам: личная выгода или месть. Стремление обезопасить себя от шантажа также можно отнести к поиску выгоды, – понимающе кивнул шеф. От него пахло раздражением, усталостью и тяжёлой, как удушающий запах лилий, скорбью. Пак Джи У почти верил в его непричастность. Не словам, а запаху – запах не скроешь одеколоном или духами. – Ничего интересного на самом деле нет. Эти двое нуждаются в деньгах, как и все мы. Работа на меня даёт их. Просто работа. Они порой переходят все границы, но куда важнее другое. Они – полезные, вот и всё, – говорил шеф спокойно, почти отрешённо.

Джи У на мгновение представил себя на его месте – у него забрали Ра Он. Что бы он чувствовал? Злился, срывался? Или так же, как этот человек – только оглушительную пустоту, когда чужие действия уже не важны, слова неуместны?

Блондин подхватил Рю за капюшон, одним быстрым жестом срезая верёвки и толкая в их сторону. Он оступился, и Юн На Ра удержала его за запястье. Внимание Пак Джи У привлекла татуировка на его руке. Козел с витыми рогами, стоящий на дыбах. Джи У впервые увидел эмоции на лице На Ры: удивление, злость, страх и раздражение.

– Джун Гиль! Когда?! – На Ра ткнула пальцем в изображение козла.

– Я не помню! Я был дома, а потом потерял сознание. Очнулся в том ... парке! – ругательство Джун Гиль проглотил на полуслове, сгорбившись.

– Нас только не обвиняй, мы иностранцев из дома не похищаем, – хмыкнул блондин, щелкая зажигалкой и закуривая сигарету. Джи У поморщился: запах дыма бесил его ещё больше, чем даже запах Чжин Ёна. Сигарету он выбил из его рта, метнув нож, и пришил её к дальней стене.

– Аллергия, – пожал плечами Джи У в ответ на ругательство. Он отвлекал внимание На Ры. Специально. Потому что казалось, что она вот-вот взорвётся. А она, неожиданно, обняла Рю за плечи одним быстрым жестом.

«Примите решение, отличие найдите и пожара избежите!» – граффити, сделанные аэрозолем, потекли и сменились на эту простую фразу. Приказ их гейм-мастера.

Рю, Лиса и блондин – их подозреваемые. Рю выбыл, так как его невиновность доказана. На Ра напряжённо вглядывалась в фотографию, всё ещё держа за куртку Рю одной рукой.

Раздался хриплый смех пополам с кашлем. Джи У повернулся на звук.

– Не обращайтесь внимания. Марька недавно на пожаре пострадала, вот и выглядит так. Больше всего жаль её пальчики, которые так хорошо управлялись с ножом, – пояснил шеф, кивком указав на девушку, укутанную в платок. На лице – чёрная медицинская маска и солнцезащитные очки. Руки – перебинтованы. А пахло от неё ржавой медью и сладким мёдом. Не обожженной плотью. Не антисептиком.

Ложь на лжи. Пак Джи У не удивляла невнимательность шефа, но стремление человеческих существ к неправде – да.

– Я считаю, – начала Юн На Ра. Но осеклась: раздался выстрел. Стреляла Марька.

Пак Джи У недоуменно моргнул. Он не понимал её поступок.

Блондин смотрел на собственный живот с ещё большим недоумением. Запах крови отдавал железом.

Бинты упали с рук странной Марьки, а сама она уже выхватила пистолет из рук Лисы. Та опустилась на колени и закричала от боли. Лучевая кость торчала из открытого перелома чуть повыше запястья.

Пережившая пожар Марька легко расправилась с абсолютно здоровой Лисой.

– Если не будет подозреваемых, игра не засчитает задание, – хрипло выдохнула Марька.

Крик Лисы переходит в вой, На Ра толкает Рю к выходу из сарая, кто-то бежит – и падает с тихим вскриком после нового хлопка пистолета.

Джи У бросился к Марьке одним прыжком, выкрутил руки, прижал их к её спине. Новый хлопок, пуля улетела вверх. Хлопок громче и дольше режет по ушам – один из парней шефа выстрелил из ружья. Пуля плавится у самой груди Марьки из-за марева дрожащего, горячего воздуха вокруг неё.

Граффити на стене превращается в таймер, возникает запах дыма, от которого слегка кружится голова.

По боку Пак Джи У скользя проходят загнутые когти Марьки. Они борются – как глупо, с тонкой девчонкой, как с равным по силе или превосходящим противником. Удар затылком об угол тумбы, его пальцы на запястье Марьки, терпкий запах крови. Она ударяет его лбом в нос, становится трудно дышать, а он пытается вытащить пистолет из её пальцев. Марька жмёт на курок почти не глядя, но попадает. Мужской выдох – спокойный, почти довольный, обречённый. Запах дыма усиляется, они падают вместе, а Пак Джи У на секунду пересекается взглядом со стеклянным взглядом мёртвого блондина.

Джи У почти не справляется, а с Марьки даже не упал повязанный платок. Каким образом держался только? он даже не видел её лица, цвета волос или особых примет.

Марька вывернулась из его рук и на мгновение стянула очки. Несколько человек упали, и Пак Джи У услышал сонное сопение.

Марька усыпила их взглядом.

Раздался треск пламени. Он услышал голос На Ры, дергающей Лису за плечо. Судя по тону последней, здоровое плечо.

– Если хочешь выжить, расскажи всё, что знаешь об убийстве! – крикнула На Ра. – Иначе мы всё сгорим.

– Да какая уже разница, – на грани визга рывкнула Лиса. – Они мертвы уже!

– А ты – нет, – резко, но спокойно, без отчаяния отвечает На Ра.

– Я! Я это сделала, а он мне помог! – каждое слово – всхлип. Пак Джи У не вмешивается – он занят Марькой. Обезоружить странную девушку сложно, а удары её не вырубают. Джи У успевает увидеть, как Лиса здоровой рукой трясёт блондина, продолжая тихонько подвывать. – Деньги! Дело всегда в них. Я работала на наших конкурентов, а она узнала. Вколола ей убийную дозу снотворного, да шокером приложила. У Мышки проблемы с сердцем. И – дело готово.

На Ра закашлялась. Становилось жарко. И почти тихо.

Стук падающего тела – вероятно, Лиса потеряла сознание. От болевого шока. Голос На Ры.

– Твоё отличие – личная выгода и борьба за себя, а не за других. Твоё наказание – смерть того, кто тебе дорог и твоя совесть, – сухо произнесла На Ра.

Щёлчок – оглушительно громкий. Задание пройдено, таймер остановился, дым исчез.

Марька вывернулась из его захвата угрём и выхватила нож, закреплённый с внутренней стороны рукава.

Пак Джи У дёрнул её на пол на долю секунды позже, чем она метнула нож. Вздох На Ры резанул по ушам синхронно со сдавленным стоном. Нож вошёл в бок Рю. Спортивная куртка оказалась растегнута. Пак Джи У вспомнил раздражающий звук «дж-дж» – мальчишка нервно дёргал молнией. На белой футболке Рю медленно расплывалось тёмное пятно. Рю пошатнулся, засипел и попытался вытащить нож неловкими движениями. Джи У видел, как мельтешат его пальцы. На Ра отдернула его руку. Кровотечение усилится, если выдернуть нож. Они оба это понимали. Марька смеялась, почти истерично, тихо, с весёлыми подвываниями. Даже не пыталась вырваться. На Ра с виду не изменилась в лице. Джи У услышал, как она мягко лжёт на ухо Рю: всё будет хорошо, всё будет хорошо.

Нет, не будет. Он – пульгэ, целительской магии в нём ноль. На Ра бы уже помогла, если бы могла.

Смех Марьки переходит в хохот. Джи У не сразу замечает, какая она горячая. Неестественно горячая. Странная сила, странное поведение – он не понимает ничего. Но Марька растит два шара огня на ладонях, в воздухе снова пахнет дымом, в воздухе копошатся хлопья чёрного пепла. По ощущениям похоже, словно он в эпицентре взрыва. Боль выкручивает его тело, а волна отбрасывает прочь, швыряя об стену сарая. В ушах звенит, перед глазами – облако пламени. Только потом он видит, как скулит Марька, смеётся и потирает окровавленные и обожженные ладони.

Всё вокруг горит, падает какая-то балка, перегородивает выход. Рю движется к выходу – На Ра волочет его за собой, а он зажимает рану рядом с ножом рукой. То ли всхлип, то ли кашель. Пак Джи У трясёт головой, отгоняет странный звук. Огонь его не трогает, не причиняет боли и не сжигает кожу. Огонь не может тронуть солнечного пульгэ. Но удар об стену сломал ему пару костей, если судить по ощущениям. И сейчас они срашивались, сами вправлялись.

Джи У закусил губу до крови, чтобы не закричать от боли. Звук падения, рёв огня, жар на коже и жжение регенерации. Джи У вскочил, не дожидаясь, пока кости окончательно срастутся и прыгнул, роняя На Ру и Рю на пол и прикрывая собой. Там где они стояли секунд назад, уже упала ещё часть строения, и пламя разъярилось сильнее, поглощая кресло и тела членов банды. Огонь коснулся теплом его спины, но не причинил боли. Он опирался на целую руку, неловко поджимал раненную.

Двери.

Толкнуть их в спину, да посильнее, выкинуть-вытащить на свежий воздух.

Упасть на траву, тяжело дышать, пытаться избавиться от дыма в лёгких.

Руки. Потом вся фигура. Она шла за ними. Джи У пнул Марьку в живот и захлопнул двери сарая. Раздался ещё один взрыв, крыша обвалилась окончательно, в последний момент окна осыпались ворохом стекла.

Вроде не вышла.

На Ра поднимается первой. Рана на боку Рю стала хуже, он прерывисто дышит и бледнеет. По его лицу катится пот, но глаза... Глаза выглядят, удивительным образом, живее, чем до ранения. Словно токсины вышли из него с кровью. Рю шурится, болезненно морщится и пытается встать.

Джи У всё равно готов поклясться: парень не жалец. Он умел и зашивать, и промывать раны, мог бы оказать подобную помощь и тогда уже надеяться на чудо. Но у него никаких инструментов нет. Хотя, может из Рю сильный квисин получится. Сильный призрак, то есть. У Рю есть на это отличное основание: насильственная смерть. Вернее, будет.

Джи У даёт себе несколько мгновений отдыха и мысленную оплеуху за излишний цинизм.

– Нужно найти ближайшую больницу, там будут средства, – спокойно предлагает На Ра.
– Чтобы было быстрее, можно взять одну из машин.

– Спасибо, – неожиданно спокойно выдохнул Рю. – Я не зря тебе верил.

И за что он благодарит?

На Ра кивает на парковку у магазина. Открывает дверцу ближайшей легковушки, поддерживает Рю.

Ключи в замке зажигания.

– Я не умею водить, – говорит На Ра, как простую констатацию факта.

Джи У лезет за руль, хлопает дверью. Рю опирается на машину, собираясь сесть.

Джи У подавил приступ рвоты.

Голос На Ры перешёл на визг, руша картину идеально сдержанной девушки. Визг перемежался всхлипами.

Рю безвольно упал внутрь машины, повалился лицом на мягкую обивку сидений.
Багровый на серой ткани.

Марька стояла на шаг позади Рю, её ногти снова превратились в загнутые когти.

Белая футболка Рю полностью пропиталась кровью, его рука будто тянется к Джи У, повернутая запястьем вверх. Медленно тает татуировка козла на руке Рю, и Джи У почему-то не может отвести взгляд.

В ладони Марьки – вырванное сердце, словно простой кусок мяса. Оно кровоточит, всё ещё. Когти Марьки выглядят красными.

Сердце Рю.

Марька хихикает.

– **Господин Рю Джун Гиль завершил игру, – возвещает система голосом с небес.**

Гнев закипает, Джи У выпрыгнул из машины, перескочил через неё и уронил Марьку об асфальт, несколько раз бессмысленно вмазав по лицу.

Вернее, по вороху ткани, в которых она пряталась. Даже очки на ней не разбились.

Джи У не слишком любил прибегать к своей силе. Это низко. Это нечестно.

Мальчишка, который попал в передрагу не по своей вине. Мёртвый Рю. Живой совсем недавно, эмоциональный, простой и растерянный.

Не заслуживший этого дерьма.

– Отвернись, беги прочь, зажмурься, – кричит Джи У На Ре.

Марьке было очень больно от огня. Но она выжила, потому что сбежала. Теперь у неё такой возможности не будет. Джи У сжимает её шею, её когти царапают его руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.